

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Енисейское духовное приходское училище.

(1820—1828 гг.).

За сорокъ лѣтъ до открытія Енисейскаго приходскаго духовнаго училища, при Енисейскомъ Спасскомъ монастырѣ существовало уже монастырское училище, въ которомъ обучались дѣти всѣхъ сословій *). Это была одна изъ первыхъ школъ грамотности на всю, обширѣйшую по пространству, теперешнюю Енисейскую губернію **). Конечно, устройство такой школы дѣлаетъ честь отдаленному сибирскому монастырю, желавшему, по примѣру своихъ старшихъ руссійскихъ собратій, послужить дѣлу духовнаго просвѣщенія молодыхъ поколѣній суровой и темной сибирской окраины; но, въ то же время, кругъ дѣятельности этой школы, какъ учрежденія частнаго, не могъ быть особенно обширенъ и не распространялся за предѣлы города Енисейска. Да и здѣсь едва ли многіе отдавали въ школу своихъ дѣтей, такъ какъ грамотность въ то время не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ, ни со стороны духовнаго сословія, ни со стороны общества.

Между тѣмъ, недостатокъ въ священникахъ и причетникахъ, получившихъ хотя бы нѣкоторое образованіе, былъ слишкомъ ощутителенъ и обращалъ на себя вниманіе духовнаго начальства. Необходимо было открыть на первыхъ порахъ хотя бы начальныя духовныя школы и обученіе въ нихъ дѣтей сдѣлать обязательнымъ для духовенства.

Духовное приходское училище открыто при Енисейскомъ Спасскомъ монастырѣ, по распоряженію высшаго духовно-учи-

*) См. Памяти. кн. Енисейской губ. на 1863 г., стр. 338.

***) Первое народное училище открыто въ Енисейскѣ въ 1789 году.

лицнаго начальства, въ 1820 году. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство мѣстнаго духовенства отнеслось къ новой духовной школѣ несочувственно; повидимому, оно не сознавало въ ней никакой потребности и рѣшительно не хотѣло добровольно отдавать въ нее своихъ дѣтей. Если бы начальствомъ не принимаемы были своевременныя мѣры противъ такого нерасположенія духовенства къ школѣ, то, можно сказать утвердительно, она оставалась бы пустою на цѣлые десятки лѣтъ.

За восьмилѣтній періодъ своего существованія (1820—1828 гг.) Енисейское духовное приходское училище находилось сначала въ вѣдѣніи Тобольской семинаріи, затѣмъ, въ 1824 году, по случаю присоединенія церкви вновь открытой Енисейской губерніи *) къ Иркутской епархіи, подчинено вѣдѣнію Иркутской духовной семинаріи. Окончившіе курсъ воспитанники училища также поступали, для продолженія ученія, сначала въ Тобольское духовное уѣздное училище, затѣмъ въ Томское, старыя здѣсь въ 1823 г., и, наконецъ, въ Иркутское.

Не имѣя подъ руками никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ официальныхъ бумагъ, представляющихъ въ своемъ большинствѣ крайне скудный матеріалъ для обстоятельной исторіи училища, мы вполнѣ сознаемъ, что предлагаемый очеркъ Енисейскаго духовнаго приходскаго училища не отличается полнотою въ изложеніи фактовъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія собственно о наставникахъ и воспитанникахъ училища сообщены намъ о. протоіереемъ Красноярскаго кафедральнаго собора, Василиемъ Димитріевичемъ Касьяновымъ **), за что и приносимъ ему глубокую благодарность. Искренно будемъ благодарны и тѣмъ бывшимъ воспитанникамъ училища, которые подѣлятся съ нами воспоминаніями о приходскомъ и уѣздномъ духовныхъ училищахъ за время существованія этихъ заведеній въ г. Енисейскѣ, что дастъ намъ возможность пополнить какъ настоящій трудъ, такъ продолжить и дальнѣйшій.

*) Енисейская губернія открыта 12 декабря 1822 года.

***) Бывшимъ воспитанникомъ Енисейскаго приходскаго училища, а впоследствии инспекторомъ уѣзднаго духовнаго училища.

I.

Открытие приходскаго духовнаго училища въ городѣ
Енисейскѣ.

1820 года 2 іюня настоятель Енисейскаго Спасскаго монастыря, архимандритъ Ксенофонтъ, получилъ изъ Tobольской духовной консисторіи указъ, въ которомъ, между прочимъ, прописано было, что комиссія духовныхъ училищъ «дозволила» устроить въ Томскѣ и Енисейскѣ «на первый случай» по одному духовному училищу и выслала на этотъ предметъ 91 руб. 66 коп. ассигнаціями. Съ утвержденія преосвященнаго Амвросія, архіепископа Tobольскаго, половина этихъ денегъ отправлена была къ Томскому архимандриту Іерониму и половина — къ архимандриту Ксенофонту, на устройство клас-сной мебели и вообще на первоначальное обзаведеніе училищъ. Помѣщеніе для двухъ классовъ, а равно и «комнату для жи-тельства бѣдныхъ учениковъ», приказано было отвести въ мо-настырскихъ зданіяхъ. Въ то же время предписывалось о. Ксенофонту, чтобы онъ избралъ изъ ученыхъ енисейскихъ священно-служителей учителей для 1 и 2 классовъ приход-скаго училища. При указѣ же сообщена и краткая програм-ма предметовъ, преподававшихся въ приходскихъ духовныхъ училищахъ. Наконецъ, консисторія спрашивала о. Ксенофонта, «не нужно ли доставить ему чего-либо изъ классическихъ книгъ, положенныхъ для приходскаго училища, и ежели нужно, то какія именно и сколько?»

Выполненіе означеннаго указа почти по всѣмъ пунктамъ встрѣ-тило не мало затрудненій. Во первыхъ, при Енисейскомъ мона-стырѣ не оказалось готоваго удобнаго помѣщенія для училища; во вторыхъ, на высланныя о. Ксенофонту деньги, въ количе-ствѣ 45 р. ассигнад., не было возможности устроить такова-го помѣщенія; въ третьихъ, изъ наличныхъ священнослужите-лей г. Енисейска трудно было намѣтить «достойныхъ канди-датовъ» на преподавательскія должности въ училищѣ. Поэто-му, о. Ксенофонтъ поставленъ былъ въ необходимость донести

правленію Тобольской семинаріи, что 1) «для помѣщенія духовнаго училища, равно какъ и для жительства бѣдныхъ учениковъ, имѣющійся при монастырѣ деревянный домъ требуетъ поправокъ многихъ и присланныхъ для сего денегъ весьма недостаточно; 2) на должности учительскія (можно) признать способными: на 1 классъ—Богоявленской церкви діакона Іоанна Новоселова, а на 2—Преображенской церкви священника Никиту Малахова, о коихъ и послужные списки при семъ прилагаю, съ донесеніемъ таковымъ, что діаконъ хотя въ вѣдомости за прошедшій годъ рекомендованъ благочиннымъ средственнаго поведенія, но другіе сего сана не во всѣхъ для сего класса положенныхъ свѣдущи предметахъ, да и посторонніе о діаконѣ отзывы прописаннаго выгоды». Относительно высылки учебныхъ книгъ о. Ксенофонтъ имѣлъ доложить семинарскому правленію по полученіи свѣдѣній о количествѣ дѣтей, имѣвшихъ поступить въ новооткрывавшуюся духовную школу.

Сочувствіе о. Ксенофонта къ открытію въ г. Енисейскѣ духовнаго училища на первыхъ же порахъ выразилось въ томъ, что онъ, немедленно по полученіи консисторскаго указа, собралъ 51 р. въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ будущаго училища. Но такъ какъ домъ, предназначенный для училища, «требовалъ поправокъ многихъ и присланныхъ для сего денегъ было весьма недостаточно», то о. архимандритъ просилъ семинарское правленіе, не позволено ли будетъ и собранныя имъ деньги «присоединить къ вышеписаннымъ на поправленіе дома». Просьба о. архимандрита была уважена начальствомъ, «сиротскія деньги», въ количествѣ 51 р., дозволено было употребить на поправку дома, но съ тѣмъ, чтобы о. Ксенофонтъ далъ полный и обстоятельный отчетъ въ израсходованной суммѣ, съ показаніемъ, кому именно и за какую работу уплачены деньги.

Дѣйствительно, слишкомъ скромная сумма отпущена была на устройство училища. На 45 р. ассигнац. нужно было отремонтировать домъ, устроить дортуары для бѣдныхъ учениковъ и завести классную мебель и принадлежности. Естественно, о.

архимандритъ не могъ выдти изъ затруднительнаго финансоваго положенія, не позаимствовавши денегъ на устройство школы изъ другихъ источниковъ. И вотъ онъ снова сдѣлалъ подписку въ средѣ мѣстнаго духовенства на означенный предметъ, которая и дала 22 р.; въ то же время, безъ предварительнаго разрѣшенія начальства, онъ рискнулъ позаимствовать еще 21 р. 30 к. изъ казенныхъ денегъ, высланныхъ на содержаніе будущаго училища.

Итакъ, на ремонтровку дома для училища и первоначальное обзаведеніе израсходовано 139 руб. 30 коп., изъ коихъ болѣе половины собрано самимъ о. Ксенофонтомъ. Между тѣмъ, предназначенный для училища *домъ*, дѣйствительно, требовалъ поправокъ многихъ. Вѣроятно, это былъ не домъ, а старый амбаръ или сарай. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что *въ домъ* потребовалось устроить полы и потолки, прорубить шесть оконъ, для коихъ заказано было девять «слюденныхъ оконницъ», прорубить три двери, устроить двѣ печи, проконопатить стѣны и устроить новую тесовую крышу. А на такую капитальную ремонтровку едва ли достаточно было ассигнованной изъ казны и собранной по подпискѣ суммы на устройство училища, тѣмъ болѣе, что цѣны на матеріалы и рабочія руки и въ то время были не особенно низкія; можно предпологать, поэтому, что о. Ксенофонтъ, стѣсняясь безпокою начальство просьбами, покрывалъ излишніе расходы изъ собственныхъ средствъ.

Подготовительныя работы по устройству училища шли довольно быстро; въ то же время о. Ксенофонтъ получалъ одно за другимъ предписанія семинарскаго правленія касательно постановки учебной и экономической частей, состава учительской корпораціи и учащихся. Такъ, отъ 24 мая 1820 г. о. Ксенофонтъ назначенъ былъ смотрителемъ Енисейскаго приходскаго училища; около этого же времени посланы были указы енисейскому, красноярскому и туруханскому духовнымъ правленіямъ о высылкѣ дѣтей священно-церковнослужителей, отъ 6 и свыше лѣтъ, въ духовное училище къ 1 сентября 1820

г., а смотрителю училища предписывалось «разначить дѣтей въ 1 и 2 классы по степенямъ знанія ихъ въ учебныхъ предметахъ»; въ случаѣ же неявки дѣтей въ училище къ назначенному сроку, смотритель долженъ былъ требовать отъ правленій исполненія указа «по надлежащему», и при неисполненіи требованія правленіями, рапортовать семинарскому правленію, для донесенія объ этомъ преосвященному. Наконецъ, предписывалось смотрителю открыть училище непременно въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1820 г., въ присутствіи градскаго духовенства, гражданскихъ чиновниковъ и гражданъ.

Назначены были и преподаватели училища, окончившіе курсъ воспитанники семинаріи: Иванъ Розановъ — учителемъ 1 класса и Василій Климовскій — 2 класса. Неизвѣстно, почему не были опредѣлены на учительскія должности о. Никита Малаховъ и діаконъ Иванъ Новоселовъ, рекомендованные о. Ксенофонтомъ. Должно быть, по своему образованію, они не вполне соответствовали требованіямъ проекта устава приходскихъ духовныхъ училищъ.

Во исполненіе консисторскаго указа, отъ 20-го мая, вскорѣ получены были отъ большинства благочинныхъ вѣдомости о священно-церковно-служительскихъ дѣтяхъ, имѣвшихъ обязательно поступить въ новооткрывавшееся духовное училище. Въ графахъ вѣдомостей значились: имена и фамиліи родителей, имена дѣтей, ихъ лѣта отъ рожденія, чему они обучались дома, какихъ они способностей и успѣховъ. Данные, заключающіяся въ вѣдомостяхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лишены интереса. 1) Въ Енисейскомъ, Красноярскомъ, Ачинскомъ, Минусинскомъ и Туруханскомъ уѣздахъ оказалось священно-церковно-служительскихъ дѣтей 68, въ возрастѣ отъ 6 до 14 и даже до 18 (одинъ) лѣтъ. Изъ 68 мальчковъ оказалось два шестилѣтнихъ мальчика въ Енисейскомъ благочиніи, обучавшихся уже букварю, — это — священника села Устьянскаго Іоанна Касьянова сынъ Ѳеодоръ и священника Устьтунгузскаго села Евдокима Шарыпова сынъ Александръ. 2) Все дѣти, показанныя въ вѣдомостяхъ, состояли при родите-

ляхъ и обучались дома. Предметами обученія были: букварь, часословъ, псалтирь, прмолгій, октоихъ и отчасти письмо. При этомъ указывалось, чему именно въ частности обучается мальчикъ, такъ, наиримѣръ, мальчикъ А. «обучаетъ въ часословѣ полунощницу», Б. «обучаетъ утреню», В. поетъ нотный октоихъ, одинъ начинаетъ, а другой оканчиваетъ часословъ или псалтирь, нѣкоторые же «твердятъ» эти книги. 3) Способности дѣтей отмѣчены по большей части посредственными, или слабыми, надъ нѣкоторыми же именами стоитъ отмѣтка: «понятія не такъ хороша». Насколько вѣрно определены были способности дѣтей судить трудно; можно думать, что эти аттестаціи были только приблизительныя или даже поверхностныя, такъ какъ самая система тогдашняго обученія не могла служить мѣркою для правильной оцѣнки способностей мальчика. Заслуживаетъ отчасти вниманія и то обстоятельство, что домашнее образованіе дѣтей начиналось и заканчивалось, повидимому, часословомъ и псалтирю, ознакомленіе же дѣтей съ закономъ Божиимъ и цифирною премудростію не практиковалось.

Получивши означенныя вѣдомости, о. Ксенофонтъ, въ виду приближенія срока открытія училища, донесъ семинарскому правленію, что къ поступленію въ училище ожидается до 50 мальчиковъ; въ тоже время онъ просилъ снабдить училище классическими книгами, «хотя не полнымъ по вышеозначенному числу учениковъ количествомъ». На первый разъ испрашивались для училища слѣдующія книги: 1) букварь церковной и гражданской печати съ сокращеннымъ катихизисомъ, въ количествѣ 5 экземпляровъ, 2) прописи русскія, 50 экз., 3) краткая русская грамматика, 30 экз., 4) ариѳметика, часть 1, 30 экз., 5) сокращенный обиходъ церковнаго нотнаго пѣнія, 30 экз., 6) часословъ, 10 экз., 7) псалтирь, 10 экз., 8) правилъ для учащихся, 35 экз., 9) таблицъ для складовъ церковной и гражданской печати и рукописей по 1 экз., 10) для смотрителя и учителей «назначенныхъ книгъ» тоже по 1 экземпляру. Смотрителю же назначалась, для руковод-

ства, книжка подъ заглавіемъ: «Докладъ комитета о усовершеніи духовныхъ училищъ», а преподавателямъ училищъ— «Руководство учителямъ 1 и 2 классовъ».

Нѣкоторыя изъ означенныхъ книгъ были высланы семинарскимъ правленіемъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (по 10 экз. вмѣсто 50), таблицъ же и руководствъ для смотрителя и наставниковъ вовсе не было выслано. Правленіе оговаривалось тѣмъ, что оно не имѣетъ въ запасѣ книгъ для всѣхъ духовныхъ училищъ, и обѣщало просить о высылкѣ таковыхъ комиссію духовныхъ училищъ. Своекоштные ученики должны были пріобрѣтать учебныя книги за деньги по цѣнѣ, означенной въ реестрѣ, приложенномъ къ отношенію семинарскаго правленія.

Такимъ образомъ, на подготовительныя работы по устройству училища употреблено было около 4-хъ мѣсяцевъ. Въ это время зданіе для училища было отдѣлано, преподаватели назначены, книги высланы, будущіе ученики доставлены въ училище; оставалось лишь открыть училище и повести учебное и воспитательное дѣло по плану, выработанному высшимъ начальствомъ.

Открытие училища послѣдовало 1-го октября 1820 года. При какой обстановкѣ совершился этотъ актъ, знаменательный не только для духовенства, но и для цѣлой обширной области Сибири, намъ въ подробностяхъ неизвѣстно, хотя нѣкоторыя данныя приводятъ къ предположенію, что открытіе училища составляло нѣкоторое торжество для жителей города Енисейска. При открытіи его присутствовало 37 лицъ дворянскаго и купеческаго сословія, присутствовало, вѣроятно, все городское духовенство, преподаватели и будущіе воспитанники училища.

Въ высшей степени отраденъ и знаменателенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что всѣ безъ исключенія свѣтскія лица, присутствовавшія на актѣ, выразили горячее сочувствіе къ зарождающейся духовной школѣ матеріальными пожертвованіями, — въ общей сложности эти лица подписали въ пользу учениковъ-сиротъ 408 руб. 50 к., — цифра довольно крупная для тогдашняго времени. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ подни-

сали даже по 50 рублей.

Къ сожалѣнiю, надежды о. Ксенофонты на поступленiе въ училище 50 мальчиковъ не оправдались, — ко времени открытiя училища представлено было только 25 мальчиковъ, изъ коихъ въ 1-й классъ зачислено 15, а во 2-й 10. По мѣсту рожденiя вновь поступившiе ученики принадлежали исключительно къ Енисейскому и Красноярскому округамъ и одинъ мальчикъ, сынъ священника, представленъ былъ изъ Туруханскаго края. — Изъ 25 учениковъ 14 были дѣти священниковъ и 11 — дѣти дьяческiя и монарскiя. Въ первый классъ были приняты дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 11 лѣтъ, 14 лѣтъ были приняты только одинъ мальчикъ; во второй классъ поступили въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ. При «раззначенiи» ихъ по классамъ училищное начальство имѣло въ виду степенъ ихъ подготовкн къ школѣ, именно: въ 1-й классъ зачислены были дѣти, обучавшiяся часослову и псалтирю, а во 2-й классъ — уже промежуточные часословъ и псалтирь и начинавшiе изучать потное пѣнiе и чистописанiе.

Объ открытiи училища о. Ксенофонтъ донесъ правленiю Тобольской семинарiи довольно кратко, причемъ представилъ списки вновь поступившихъ учениковъ и листъ для сбора «приношенiй въ пользу сиротствующихъ учениковъ Енисейскаго приходскаго училища, при открытiи онаго, въ 1-й день октября 1820 года».

О «высылкѣ» въ училище дѣтей, не представленныхъ къ уроку, о. Ксенофонтъ послалъ особую бумагу.

(Продолженiе будетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Енисейское приходское духовное училище.

(1820—1828 гг.)

(Продолженіе).

2.

Училищное помѣщеніе и обстановка.

О первомъ училищномъ домѣ мы не могли собрать обстоятельныхъ свѣдѣній. Изъ нѣкоторыхъ записей расхода денегъ, употребленныхъ на ремонтровку дома, видно, что онъ состоялъ только изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались 1-й и 2-й классы училища, — помѣщенія для бѣдныхъ учениковъ въ немъ не было. Не сохранилось воспоминаній объ этомъ домѣ и у бывшихъ воспитанниковъ училища IV курса, такъ какъ домъ просуществовалъ только 4 мѣсяца: онъ сгорѣлъ до основанія въ ночь на 18 февраля 1821 года. Это несчастное событіе произошло при такихъ обстоятельствахъ. 17 февраля, послѣ обѣда, училищный сторожъ *), истопивъ одну изъ печей въ училищномъ домѣ, въ 5-мъ часу куда-то отлучился; вечеромъ онъ не надолго зашелъ въ училище, заперъ его, взялъ съ собою ключъ и отправился къ своему семейству ужинать, гдѣ и заночевалъ. Между тѣмъ, въ два часа пополудни, когда весь городъ и монастырскіе обитатели спали крѣпкимъ сномъ, въ сѣняхъ училищнаго дома показался огонь, быстро вырвался наружу и охватилъ все зданіе. Пожарная команда своевременно не явилась, посторонніе люди узнали о пожарѣ уже поздно; явились на пожарище только о. Ксенофонтъ и два келейника. Но что же они могли сдѣлать, когда нельзя было и приступить къ дому? Кое-какъ удалось имъ вырвать только «одну слюденную оконницу», все же

*) Отставной станціонный смотритель Василій Тарасовъ.

остальное сгорѣло до тла. Причина пожара отнесена была къ небрежности училищнаго служителя, который, истопивъ печь, выгребъ изъ нея золу съ горящими углями въ кадку, стоявшую въ сѣняхъ.

Гражданская власть производила по этому дѣлу слѣдствіе, но неизвѣстно, чѣмъ оно кончилось.

Послѣ пожара о. Ксенофонтъ помѣстилъ училище въ деревянномъ домѣ, который ранѣе занимаемъ былъ духовнымъ правленіемъ *), а это послѣднее переведено въ каменную келью **).

О. Ксенофонтъ предчувствовалъ, что ему не избѣжать неприятностей по этому несчастному случаю. Несвоевременное отсутствіе сторожа безъ вѣдома смотрителя, небрежное отношеніе сторожа къ училищному дому говорило въ данномъ случаѣ за слабость начальственнаго надзора. Быть можетъ, это былъ и единичный случай небрежности сторожа, не предусмотрѣнный училищнымъ начальствомъ, но все же семинарское правленіе могло поставить его на видъ смотрителю училища. Скрѣпя сердце, о. Ксенофонтъ долженъ былъ ораторствовать правленію тобольской семинаріи «о сгорѣніи» училищнаго дома, но въ то же время онъ послалъ ректору семинаріи частное письмо. Мы не знаемъ содержанія этого письма, но изъ отвѣта ректора видно, что о. Ксенофонтъ просилъ его заступничества по данному дѣлу предъ высшимъ духовно-училищнымъ начальствомъ и просьба эта не осталась тщетною. Прежде чѣмъ направить дѣло о пожарѣ официальнымъ порядкомъ, ректоръ даетъ совѣтъ о. Ксенофонту,

*). Этотъ домъ построенъ одновременно съ братскими деревянными кельями архимандритомъ Александромъ (Андреевымъ), управлявшимъ монастыремъ съ 1756 по 1770 г. Разобранъ за ветхостію въ концѣ 50 или началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. (См. свѣдѣнія объ Енисейскомъ монастырѣ при памятной книжкѣ Енисейской губ. за 1863 г., стр. 341).

**). При надвратной Захарьевской церкви. Эта церковь съ каменными пристройками къ ней начата постройкою при игуменѣ Іосифѣ (Володиміровѣ) въ 1785 г., окончена отдѣлкою при архимандритѣ Никодимѣ (Арамилскомъ) въ 1790 г., освящена уже въ 1823 г. при архимандритѣ Ксенофонтѣ (Половѣ). См. тамъ же, стр. 335—336.

какъ поправить это неприятное дѣло. Вотъ что писалъ онъ:

„Высокопреподобнѣйшій о. Архимандритъ Ксенофонтъ! Любезный о. Господь братъ! Это

«Съ крайнимъ прискорбіемъ моимъ узнаю, какъ изъ вашего рапорта въ семинарское правленіе, такъ и изъ вашего письма ко мнѣ, что училищный домъ, состоящій въ вашемъ монастырѣ и подъ вѣдѣніемъ вашимъ, совершенно сгорѣлъ. Я не знаю, какъ въ этомъ несчастномъ случаѣ пособить вамъ. По порядку непременно слѣдуетъ, по нынѣшнему положенію духовныхъ училищъ, донести обстоятельно о томъ комисіи духовныхъ училищъ, которая, конечно, вамъ, за недосмотрѣніе сіе, хотя совсѣмъ непредвидѣнное, сдѣлаетъ чрезъ семинарское правленіе выговоръ, какъ то навѣрно можно заключить изъ подобныхъ случаевъ, въ другихъ училищныхъ мѣстахъ бывшихъ. Я докладывалъ о семъ Его Высокопреосвященству съ такимъ предположеніемъ, чтобы, не доводя о семъ несчастномъ случаѣ до вышшаго духовно-училищнаго начальства, завести вамъ, о. архимандриту, особенную книгу для собранія подаянія по городу Енисейску и округу его на сгорѣвшій училищный домъ (который и стоилъ только 250 р., какъ вы репортуете) и посвѣшить построить новый *въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ прежде былъ*. Въ случаѣ же недостатка собираемой на сіе суммы, можно дополнить и изъ вашей штатной суммы или неокладной монастырской суммы, тѣмъ паче, что сей домъ училищный доселѣ принадлежалъ монастырю. Каковое мое предположеніе и Его Высокопреосвященство благоволило весьма одобрить. Итакъ, если можно такъ уснѣть помочь вашей несчастію, то не замедлите увѣдомить меня. Репортъ же вашъ я безъ всякаго рѣшенія поудержу, пока получу отъ васъ извѣстіе на предполагаемую мою и при семъ сообщаемую вамъ мысль, дабы избавиться и вамъ и намъ отъ большихъ хлопотъ и безпокойствъ по сему случаю. Паки повторяю: прошу не замедлить отвѣтомъ вашимъ на мое отношеніе къ вамъ, ибо семинарское правленіе предположило уже представить, куда слѣдуетъ, объ открытіи ду-

ховныхъ уѣздныхъ училищъ въ Томскомъ и въ вашемъ монастырѣ. Но несчастный случай, о которомъ вы донесли, — вотъ запятая, которая теперь на время должна остановить наше предположеніе, пока не получимъ отъ васъ извѣстія, какъ бы можно было послѣпить постройкою вновь сгорѣвшаго училищнаго дома» *).

Не знаемъ, что отвѣтилъ о. Ксенофонтъ на это письмо; извѣстно только, что училище такъ и осталось въ домѣ, въ которомъ помѣщалось ранѣе Енисейское духовное правленіе; дѣло же о пожарѣ точно въ воду упало. Тѣмъ не менѣе, пожаръ имѣлъ тѣ неблагоприятныя послѣдствія, что вопросъ объ открытіи при Енисейскомъ монастырѣ уѣзднаго духовнаго училища оставленъ былъ безъ движенія, тогда какъ при Томскомъ монастырѣ уѣздное училище открыто было черезъ два года.

Второй училищный домъ, какъ уже извѣстно, былъ тоже деревянный. Многіе изъ воспитанниковъ училища помнятъ этотъ домъ и передавали намъ, что онъ былъ съ слюденными окошками, довольно тѣсный, состоялъ только изъ двухъ классныхъ комнатъ и маленькой третьей комнаты, или, вѣрнѣе, чулана. Училищная обстановка была самая незатѣйливая: въ каждой комнатѣ стояли узкіе и длинные столы плотничной работы, вокругъ которыхъ усаживались ученики во время классныхъ занятій; для учителя имѣлся особый небольшой столикъ. Такой же грубой работы имѣлись классныя доски. Вотъ и вся училищная меблировка.

3.

Учительская корпорація.

Во главѣ учительской корпораціи новооткрытой духовной

*) Дѣло училищ. арх. 1821 г., № 2, л. 40. Письмо безъ даты. Судя по почерку, переписывалъ его семинарскій письмоводитель Степанъ Цвѣтковъ. Исправлено и подписано ректоромъ, архимандритомъ Евгеніемъ, въ послѣдствіи епископомъ Грузія и архіепископомъ Псковскимъ.

никилы стоялъ смотритель училища, о. архимандритъ Ксенофонтъ.

По своему образованію, убѣжденіямъ и характеру эта личность представляла собою рѣдкое и въ высшей степени отрадное явленіе среди тогдашняго сибирскаго духовенства. По умственному развитію о. Ксенофонтъ едва ли имѣлъ себѣ равнаго среди всего тогдашняго духовенства теперешней Енисейской епархіи; онъ отличался стойкостію убѣжденій, прямою характера и въ тоже время необыкновенною простотою въ частной жизни, доступностію и добротою сердца.

Въ скромныхъ келіяхъ о. архимандрита не было и признака комфорта, единственнымъ украшеніемъ ихъ служили два портрета: митр. Стефана Яворскаго и бывшаго архимандрита Енисейскаго монастыря Никодима *). У крыльца архимандритскихъ покоевъ висѣлъ небольшой колоколь, въ который звонилъ самъ же о. Ксенофонтъ, давая этимъ знать о началѣ ежедневныхъ монастырскихъ службъ. Не любилъ онъ встрѣчи «со славой», являлся къ богослуженію за просто, какъ обыкновенный іеромонахъ; никогда не носилъ и не имѣлъ теплыхъ расъ изъ дорогихъ сибирскихъ мѣховъ, выѣзжалъ же въ такихъ оригинальныхъ самодѣльныхъ дрогахъ на одной неказистой лошаденкѣ, что даже и въ то патриархальное время смотрѣли на его коня и колесницу, какъ на диковину. Не держалъ келейниковъ изъ монастырскихъ послушниковъ, а имѣлъ единственнаго служителя, который вмѣстѣ былъ и поваромъ о. архимандрита **). Безкорыстіе и благотворительность о. Ксенофонта достойны удивленія; онъ отдавалъ ученикамъ свои послѣднія деньги, ежедневно подавалъ нищимъ, а въ крайнемъ случаѣ отдавалъ имъ даже свое бѣлье. Однажды онъ заказалъ монастырскому казначею купить

*) Архимандритъ Никодимъ (Арамилскій), бывшій настоятель Тюменскаго монастыря, членъ консисторіи и учитель Тобольской семинаріи. Этотъ умный и дѣятельный настоятель, нравившій обителю бѣлье 17 лѣтъ (1789—1806), приложилъ стараніе ко всемъ частямъ монастырскаго управленія. (См. памят. кн. Енис. губ. на 1863 г., стр. 342).

***) Иванъ Васильевъ Ракшичъ, человекъ простоватый, до крайности наивный,

для себя деревяннаго холста. Казначей не доумѣвалъ, зачѣмъ понадобился архимандриту грубый холстъ; но недоумѣніе его случилось удивленіемъ, когда онъ случайно увидѣлъ, что о. Ксенофонтъ прикрытъ однимъ подрясникомъ безъ признаковъ какого бы то ни было бѣлья. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и друзья подсмѣивались даже надъ его хроническимъ безденежьемъ.

О. Ксенофонтъ былъ строгимъ блюстителемъ монастырскаго устава, ежедневно ходилъ въ Богослуженію, въ каждый воскресный день говорилъ проповѣди, любилъ хорошее чтеніе и пѣніе и самъ въ совершенствѣ обладалъ этимъ искусствомъ. Когда онъ былъ еще казначеемъ въ Тобольскомъ монастырѣ, то многіе посѣщали монастырскую церковь, между прочимъ, съ цѣлю послушать чтеніе о. Ксенофонта.

При всѣхъ этихъ рѣдкихъ качествахъ о. Ксенофонтъ отличался твердостью характера и убѣжденій. Во имя правды, онъ не дѣлалъ уступокъ никому и ничему.

Ближайшее начальство хотя и видѣло въ о. Ксенофонтѣ умственную силу, но почему-то относилось къ нему не совсемъ благовоительно. До конца дней своихъ онъ не выслужилъ ни одной регалии, крѣвъ зеленыхъ скринжалей на черную шапку.

Какъ педагогъ, о. Ксенофонтъ отличался знаніемъ учебнаго дѣла, честностію, безкористиемъ и гуманностію. Онъ вполне понималъ задачу тогдашней духовной школы и особенно преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы практически подготовить дѣтей къ служенію церкви. О. Ксенофонтъ ежедневно присутствовалъ при Богослуженіи и любилъ видѣть воспитанниковъ въ церкви и въ будничные дни непремѣнно на кляросѣ. Мальчики пѣли, читали по очереди, и въ награду за усердіе получали отъ о. Ксенофонта по мѣдному пятаку или угощались носомъ службѣ обитомъ и калачами въ его кельяхъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ о. Ксенофонта, даже ученики I класса очень скоро пріобрѣтали навыкъ читать внятно и отчетливо не только шестонасліе и канонны, но и канонъ.

Въ крайнихъ случаяхъ нарушенія учениками школьной дисциплины панъ о. смотритель прибѣгалъ и къ розгѣ, но сѣвъ, обыкновенно, мало, какъ говорится, для острастки. Однажды, рассказывалъ намъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ Енисейскаго училища, забрались мы втроемъ въ садъ о. архимандрита съ цѣлю полакомиться кедровыми шишками. Я, какъ болѣе юркій, влезъ на кедръ, застоплявшій сучьями окно архимандритской кельи, но оборвался и выбѣлъ нѣсколько стеколъ изъ рамы. Сейчасъ же розыскали насъ — преступниковъ и привели къ о. архимандриту. Предварительно онъ едѣлалъ намъ назиданіе о предосудительности кражи, затѣмъ приказалъ отпустить каждому ровно по шести штукъ розгъ. Послѣ этой бани, какъ и слѣдовало ожидать, о. Ксенофонтъ накормилъ насъ калачами и напоилъ сбитнемъ, приравнивъ угощеніе новымъ назиданіемъ, примѣнительно къ данному случаю.

Въ то патриархальное время, когда даже и духовные педагоги пользовались кружцами отъ духовенства для исполненія своего скуднаго бюджета, срывая иногда и довольно крупныя куши, о. Ксенофонтъ не могъ выносить никакихъ вещественныхъ благодарностей. Одинъ изъ зажиточныхъ іереевъ, желая взять своего сына изъ училища для опредѣленія въ дьячки, изложилъ свою просьбу передъ о. Ксенофонтомъ и, по простотѣ, присовокупилъ къ ней, для вящей убѣдительности, „красенькую“. Видя возмущеніе о. смотрителя и мысленно истолковавъ его въ превратную сторону, іерей положилъ на столъ еще „красенькую“. О. Ксенофонтъ уже начиналъ горячиться, а іерей опять полѣзъ за назуху и вытащилъ „бѣленькую“. Дальшѣйшихъ похощеній іерея за назуху смотритель уже не могъ вытерпѣть и выриводилъ отъ себя гостя не со всѣмъ любезно. Съ тѣхъ поръ іерей ни разу не обращался къ смотрителю съ подобною просьбою; а между тѣмъ сынъ его отлично окончилъ училищный и семинарскій курсы, былъ инспекторомъ Енисейскаго училища и теперь занимаетъ высшій постъ среди бѣлаго духовенства епархіи. Для бѣдныхъ же учениковъ о. Ксенофонтъ собиралъ деньги и съ градскаго духо-

вещства, и съ монаховъ, и, наконецъ, ежегодно жертвовалъ изъ собственныхъ средствъ на этотъ предметъ. Такъ какъ онъ пользовался въ Енисейскѣ огромнымъ значеніемъ, то всѣ, къ кому онъ обращался съ просьбою о помощи, охотно давали посылную лепту на доброе дѣло.

Въ обращеніи съ сослуживцами—учителями онъ былъ чрезвычайно простъ, бесѣдовалъ съ ними по товарищески и любилъ угостить. Молодые наставники считали долгомъ являться къ о. Ксенофонту даже и въ то время, когда онъ уже оставилъ училищную службу. Такъ, однажды, представился ему, между прочимъ, и молодой инспекторъ училища, котораго когда-то отецъ хотѣлъ опредѣлить въ дьячки, за что и предлагалъ о. Ксенофонту 25 р. О. Ксенофонтъ встрѣтилъ своего бывшего ученика, какъ родной отецъ, разсѣловалъ его, припомнилъ старую исторію съ красненькими ассигнаціями и отъ души смѣялся надъ нею.

Мы потому долго остановились на личности о. Ксенофонта, что она, дѣйствительно, представляетъ собою рѣдкое отпадное исключеніе въ ряду другихъ личностей тогдашняго темнаго и суроваго времени. Въвѣряя о. Ксенофонту управленіе новою духовною школою въ окраинѣ Россіи, духовное начальство не могло сдѣлать лучшаго выбора. Положимъ, система его воспитанія духовнаго юношества не чужда была иногда нѣкоторой суровости, но вѣдь онъ былъ сынъ своего вѣка, получившій и самъ воспитаніе въ старое суровое время.

Первыми сотрудниками о. Ксенофонта въ дѣлѣ образованія и воспитанія духовнаго юношества отдаленнаго сибирскаго края были молодые преподаватели: Василій Климовскій, преподававшій во 2-мъ классѣ училища, и Иванъ Розановъ, преподававшій въ 1-мъ классѣ. Оба они были природные сибиряки и оба окончили курсъ въ Тобольской семинаріи по первому разряду. Объ ихъ педагогической дѣятельности будетъ рѣчь впереди.

(Продолженіе будетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Енисейское приходское духовное училище.

(1820—1828 гг.)

(Продолженіе).

Экономическое положеніе учителей духовныхъ школъ стараго времени было крайне незавидное, они работали, можно сказать, изъ-за куска насущнаго хлѣба. Смотрителю приходскаго училища полагалось жалованья въ треть года 58 р. 33¹/₄ к. ассигнаціями, учителю 2 класса 50 р. и учителю 1 класса 41 р. 66¹/₂ к., такъ что въ мѣсяць на долю младшаго учителя приходилось 10 р. 41¹/₂ к. Такіе же оклады получали преподаватели и сибирскихъ духовныхъ училищъ. Между тѣмъ, цѣны на жизненные принасы и предметы первой необходимости и въ то время были довольно высокія: пудъ хлѣба въ Енисейскѣ стоилъ около рубля, пудъ мяса 2 руб. 50 к., фунтъ салныхъ свѣчъ 40 к. За содержаніе ученика въ квартирѣ платили отъ 35 до 60 р. въ годъ, смотря по качеству квартиры и содержанія; даже училищный сторожъ при готовой квартирѣ получалъ въ мѣсяць 5 р. Если взять во вниманіе квартиру для учителя (казенныхъ квартиръ при училищѣ въ Енисейскѣ не было), отопленіе, освѣщеніе, столъ и самый незатѣйливый костюмъ, то приходится только изумляться, какъ существовали бѣдные преподаватели при такихъ ничтожныхъ окладахъ. Постороннихъ средствъ къ существованію, наприм., частныхъ уроковъ, на первыхъ порахъ они не могли имѣть. Въ послѣдствіи нѣкоторымъ подспорьемъ къ скуднымъ средствамъ учителя служила, такъ называемая, «явка» *). Но къ чести педагоговъ Енисейскаго духовнаго училища нужно сказать, что они не практиковали

*) Постъ каникулъ ученики являлись къ преподавателямъ съ подарками.

явокъ въ широкихъ размѣрахъ, онѣ не имѣли для учениковъ обязательнаго характера, а были лишь случайнымъ явленіемъ.

Въ концѣ 1820 года о. Ксенофонтъ получилъ новое описание штатовъ содержанія учителей уѣздныхъ и приходскихъ духовныхъ училищъ. Коммиссія духовныхъ училищъ, принявъ во вниманіе, что Высочайше утвержденные въ 26-й день іюня 1808 года штаты для духовно-учебныхъ заведеній, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ данное время требуютъ измѣненія, такъ какъ цѣны на жизненные потребности значительно возвысились, а нужды увеличились, нашла необходимымъ измѣнить старые штаты «приспособительно къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ». Докладъ коммиссіи съ проектомъ новыхъ штатовъ, повергнутый на Высочайшее благовозрѣніе, получилъ утвержденіе. По новымъ штатамъ въ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ епархіи перваго разряда, къ которому отнесена и Тобольская, смотрителю назначенъ былъ окладъ жалованья въ 450 р. въ годъ, учителю высшаго класса тоже въ 450 р. и учителю низшаго класса въ 400 р.; смотрителю приходскаго училища въ 300 р., учителю 2 класса въ 300 р. и учителю 1 класса въ 260 р. ассигнаціями въ годъ. Въ концѣ же 1820 года о. Ксенофонтомъ получена была и дополнительная сумма, соотвѣтственно новымъ штатамъ, на содержаніе учителей.

Такимъ образомъ, по новымъ штатамъ, жалованье учителямъ увеличено было почти въ два раза. Но въ дѣйствительности и новыхъ окладовъ было недостаточно для содержанія учителей именно въ г. Енисейскѣ. Поэтому, наставники постоянно осаждали начальство просьбами о казенныхъ квартирахъ или зачисленіи за ними священническихъ мѣстъ, какъ болѣе выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи. На первыя просьбы, обычно, слѣдовалъ запросъ о. Ксенофонту, нѣтъ ли при монастырѣ комнатъ для учителей. А такъ какъ такихъ комнатъ не оказывалось, то и вопросъ объ удовлетвореніи учителей квартирами считался окончательнымъ. Не вводя удовлетворя-

лись просьбы и другого рода: то наставникъ не выслужилъ еще узаконеннаго срока, то обязывался прослужить по крайней мѣрѣ до лѣтнихъ каникулъ. Положеніе же одного изъ учителей было поистинѣ критическое,—кромѣ жены, онъ содержалъ мать и четырехъ сестеръ *). При такихъ исключительныхъ условіяхъ, естественно, учителя не имѣли возможности аккуратно расплачиваться даже за квартиры. Одинъ изъ учителей, имѣвшій квартиру со столомъ, задолжалъ хозяйкѣ 50 р. **) и никакъ не могъ сразу уплатить денегъ, а хозяйка повела искъ черезъ Тобольскую конкисерію и семинарское правленіе и поставила учителя передъ начальствомъ въ крайне непріятное положеніе.

Впослѣдствіи ближайшее начальство убѣдилось, что учителю нѣтъ возможности содержаться на одно учительское жалованье и поэтому болѣе внимательно относилось къ просьбамъ учителей о зачисленіи за ними священническихъ мѣстъ. Въ 1826 г. на запросъ семинарскаго правленія о вакантныхъ учительскихъ мѣстахъ въ училищѣ, преподаватель 2 класса Михаилъ Бѣлозеровъ далъ отзывъ, что безъ занятія въ епархіальномъ вѣдомствѣ постоянного мѣста онъ не можетъ существовать на одномъ учительскомъ жалованьи и потому, сверхъ выслуженнаго имъ «урочнаго четырехлѣтняго курса, болѣе оставаться на службѣ не согласенъ» ***). Вскорѣ же послѣ такого заявленія, Бѣлозеровъ опредѣленъ былъ священникомъ къ Енисейской Успенской церкви и въ то же время оставленъ преподавателемъ училища. Одновременно и другой учитель, священникъ Гавріиль Ушаковъ, былъ опредѣленъ протоіереемъ въ Богоявленскій соборъ, но уже съ отчисленіемъ отъ должности учителя. Назначенный на его мѣсто

*) Учитель Николай Алексѣевъ.

**) Учитель Розановъ.

***) Не безынтересенъ отзывъ на этотъ же запросъ семинарскаго правленія лично о. Ксенофонта: «Что же до меня касается, писалъ онъ, то какъ продолжать должность смотрителя, пока позволяютъ силы, такъ и отстать отъ оной, хотя нынѣ же, если потребна вакансія для имѣющаго нужду въ оной, не откажусь. (Дѣло 1826 года).

преподавателемъ, окончившій курсъ воспитанникъ семинаріи Платонъ Тоболкинъ, вскорѣ же подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ священники и просьба его имѣла самый неожиданный и счастливый исходъ: онъ опредѣленъ былъ къ Енисейской Воскресенской церкви и вмѣстѣ оставленъ на училищной службѣ. Былъ даже и такой случай, что одинъ изъ учителей *) за неимѣніемъ священническихъ мѣстъ въ г. Енисейскѣ, былъ зачисленъ священникомъ въ г. Красноярскъ къ Воскресенскому собору.

Права и преимущества учителей духовно-учебныхъ заведеній опредѣлены были Высочайше утвержденнымъ 9-го сентября 1820 года положеніемъ. Въ силу этого положенія, магистры духовныхъ академій, по самой ученой степени, состояли въ 9 классѣ, въ слѣдующій же 8 классѣ производились по выслугѣ на училищной службѣ при семинаріяхъ 6 лѣтъ, а при духовныхъ училищахъ 8 лѣтъ. Учителя изъ кандидатовъ академій числились на службѣ при семинаріи въ 9 классѣ, но дѣйствительно утверждались въ этомъ классѣ послѣ четырехлѣтней службы при семинаріи; на училищной же службѣ они состояли въ 12 классѣ и производились въ 9 классѣ только по выслугѣ четырехъ лѣтъ. Учителя изъ студентовъ академій утверждались въ 10 классѣ по выслугѣ четырехъ лѣтъ въ семинаріи и въ 12 классѣ по выслугѣ двухъ лѣтъ въ училищѣ. Преподаватели училищъ, не имѣвшіе ученыхъ академическихъ степеней, утверждались въ 14 классѣ по выслугѣ четырехъ лѣтъ. Дальнѣйшее производство въ чины соотвѣтствовало общимъ правиламъ гражданской службы **).

*) Иванъ Розановъ. За полгода онъ получилъ по должности священника отъ Воскресенскаго собора 50 р., изъ коихъ ему выдана была только половина, а 25 р. препровождены въ Тобольскую семинарію для обращенія въ пользу училища (Дѣло 1824 года).

**) Въ 1824 году, по ходатайству Комиссіи духовныхъ училищъ, Высочайше дарованы нѣкоторыя преимущества относительно чиновпроизводства и единовременныхъ денежныхъ пособій учителямъ только грузинскихъ духовныхъ училищъ, отсутствовавшимъ на службу въ Грузію изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Кромѣ исполненія собственно учительскихъ обязанностей, наставники, по распоряженію комиссіи духовныхъ училищъ, должны были произносить съ церковной кафедры бесѣды и поученія въ воскресные дни. Составленные ректоромъ Тобольской семинаріи, для руководства, «предначертанія для преподаванія вѣры и жизни христіанской» обнимають цѣлый курсъ догматическаго и нравственнаго богословія, со включеніемъ трактатовъ о благодати, оправданіи человѣка вѣрою въ безконечныя заслуги Іисуса Христа, освященіи, обновленіи и проч. Такой обширный конспектъ для церковной проповѣди едва ли могъ имѣть практическое примѣненіе, особенно, если взять во вниманіе неграмотныхъ и незнакомыхъ даже съ общеупотребительными молитвами слушателей. Тѣмъ не менѣе, достоверно извѣстно, что самъ о. Ксенофонтъ предлагалъ поученія въ каждый праздничный день, произносили проповѣди и наставники, пользуясь, кажется, главнымъ образомъ, «Огласительными поученіями» св. Кирилла Іерусалимскаго и печатными проповѣдями митрополита Михаила и архіепископа Филарета *).

(Продолженіе будетъ).

*) Вслѣдствіи митрополита Московскаго.

2.

Енисейское приходское духовное училище.

(1820—1828 гг.)

(Продолженіе).

IV.

Составъ учащихъся.

Неоднократныя предписанія духовныхъ правленій и благотворительныхъ священно-церковно-служителямъ о представленіи дѣтей въ училище не достигали въ исполненіи своей цѣли. Съ одной стороны, нѣкоторымъ родителямъ не дозволяли мѣстные условія отправлять дѣтей иногда за тысячу и болѣе верстъ, съ другой—имъ тяжело было разставаться съ дѣтьми, наконецъ, немаловажную роль играла въ данномъ случаѣ и безопасность родителей. Какъ мы видѣли выше, первый курсъ учащихся сформировался почти исключительно изъ дѣтей-уроженцевъ Енисейскаго и Красноярскаго округовъ, какъ болѣе ближайшихъ къ училищу; да и изъ этихъ округовъ поступила въ училище только почти третья часть дѣтей, показанныхъ въ благотворительныхъ вѣдомостяхъ; изъ другихъ же округовъ почти не поступило дѣтей въ училище. Положимъ, что предписанія начальства о доставкѣ дѣтей въ школу были настойчивыя и внушительныя, но и отцы во многихъ случаяхъ изобрѣтали благовидныя причины обходить эти требованія. Въ большинствѣ случаевъ они ссылались на болѣзнь своихъ дѣтей, напр., на „чесотку“, „онухоль“ (неизвѣстно чего) и даже „главоболеніе“; другіе обязывались обучать дѣтей дома, третьи желали опредѣлить дѣтей въ Тобольское училище, или отдать ихъ на выучку въ ближайшіе города къ родственникамъ, мотивируя свои просьбы въ послѣднемъ случаѣ неимѣемъ средствъ содержать дѣтей въ Енисейскѣ. Узкіе интересы духовенства косвенно поддерживали и благотворительные; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что они представляли вѣдомости о дѣтяхъ несдвоенно и въ разныя учрежденія: то въ семинарское

правление, то въ Tobольскую консисторію, то въ духовныя правленія, то, наконецъ, непосредственно о. Ксенофонту. Притомъ же, вѣдомости эти не всегда отличались точностью показаній. Надобно полагать, что подобныя грѣшки допускались именно въ интересахъ нѣкоторыхъ сердобольныхъ родителей, предпочитавшихъ для своихъ дѣтей теплый семейный очагъ тогдашней суровой бурѣ. Извѣстно также, что подобная снисходительность благочинныхъ (конечно, не всѣхъ) была замѣчена духовнымъ начальствомъ и вынудила его принять радикальныя мѣры, о чемъ рѣчь будетъ впереди. Если иногда не удавалось вовсе освободить дѣтей отъ школы, то духовенство старалось, по крайней мѣрѣ, „проволочить время“, отсрочить, насколько возможно, роковой день поступления дѣтей въ школу. Просьбы духовенства постушали, обыкновенно, въ духовныя правленія или на имя смотрителя, а эти переписывались съ семинарскимъ правленіемъ, которое разсматривало просьбы и отвѣчало на имя смотрителя, смотритель же сообщалъ правленіямъ или благочиннымъ. Между тѣмъ, подобная канцелярская волокита была какъ-разъ на руку духовенству, ибо почти весь учебный годъ проходилъ „въ представленіяхъ“, „предписаніяхъ“, „увѣдомленіяхъ“ и пр. Дѣло оканчивалось, обыкновенно, тѣмъ, что родители обязывались представить дѣтей въ школу при первой удобной оказіи, или же приготовить ихъ дома и сдать въ училище прямо на экзаменъ. Отцы охотно давали на бумагѣ такія обязательства, потому что въ дѣйствительности они не имѣли почти никакого обязательнаго значенія. Отсюда на первыхъ же порахъ явилось два разряда учениковъ: одни, дѣйствительно, обучались въ училищѣ, а другіе обучались дома, но только числились въ училищѣ. Случалось и такъ, что отцы представляли дѣтей въ училище, но сряду же брали ихъ домой, оставляя училищному начальству, взаменъ учениковъ, подписки, которыя пришивались къ дѣлу о вновь поступившихъ ученикахъ. Ученики, обучавшіеся въ школѣ, назывались публично обучающимися, а обучавшіеся дома — п р и в а т н о обучающимися. Такое дѣленіе учениковъ

допускалось и проектом устава духовных училищ, впрочем, в видах снисхождения къ некоторым священно-церковно-служителямъ, не имѣвшимъ возможности, по уважительнымъ причинамъ, воспитывать дѣтей въ школахъ. Но на практикѣ училищное начальство не могло держаться въ этомъ отношеніи законныхъ границъ и вынуждено было оказывать родителямъ больше снисхождения, чѣмъ слѣдовало, нанося этимъ ущербъ учебному дѣлу.

Такъ, случалось, что родители брали дѣтей домой не только въ началѣ учебнаго года, но и во всякое время года, обязываясь подпискою обучать ихъ дома и своевременно представить въ училище на экзаменъ. А между тѣмъ, подобное явленіе находилось въ прямомъ противорѣчій съ требованіями проекта устава духовныхъ училищ и вносило въ учебное воспитательное дѣло разнь и беспорядочность. Практикуя увольненіе дѣтей изъ училища во всякое время года для домашняго, будто бы, обученія, можно было распусить все училище, или оставить въ немъ двухъ-трехъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что тогдашнее духовенство всѣми мѣрами старалось освободить дѣтей изъ школы. При томъ же нельзя было довѣрять и подпискамъ родителей, что они подготовятъ дѣтей дома и своевременно представлять ихъ въ училище. Такой беспорядочности старалось положить конецъ, чрезъ три года по открытіи училища, семинарскаго правленіе, предписавъ о. Ксенофонту, чтобы онъ не увольнялъ для обученія въ дома родителей дѣйствительныхъ, и у б л и ч н о обучающихся учениковъ и представлялъ бы о приватно обучающихся ученикахъ особую вѣдомость. Нужно замѣтить, что ученики втораго разряда, т. е. приватные, вовсе не подлежали испытанію въ училищѣ, но должны были брать свидѣтельства объ успѣхахъ и поведеніи отъ благочинныхъ и прямо являлись съ такими свидѣтельствами на экзаменъ въ уѣздныя училища.

Но не смотря ни на какія мѣры, процентъ дѣтей, поступившихъ въ приходское училище, былъ довольно малый; иногда поступало въ годъ 7 или 8 человекъ; многіе же совсѣмъ не видали школы и неизвѣстно, чему и какъ они обучались.

дома. При томъ же, были нерѣдко случаи, что за малолѣтними учениками, по неотступнымъ просьбамъ родителей, зачислялись причетническія и даже дьяконскія мѣста *), получали такія мѣста и вовсе неучившіеся въ школѣ. Отсюда являлись десятилѣтніе дьячки и пономари, обучавшіеся церковному чтенію и пѣнію на клиросѣ. Въ видахъ поднятія уровня образованія духовенства путемъ школьнаго обученія, высшее начальство сдѣлало распоряженіе, что неучившіеся въ школѣ не будутъ назначаемы ни на какія, даже самыя низшія церковныя должности; но и это распоряженіе осталось во всей силѣ, кажется, только на бумагѣ **).

Наконецъ, въ 1826 г. начальство рѣшилось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, чтобы привлечь дѣтей въ школу. Приказано было ни подъ какимъ видомъ не удерживать дѣтей дома, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, „отсылки ихъ въ свѣтскую команду“ и оштрафованія отцовъ. ***) На основаніи такого распоряженія, о Ксенофонтѣ просилъ духовныя правленія распорядиться, во первыхъ, немедленною высылкою дѣтей въ училище, а во вторыхъ, произвести законное дознаніе, почему въ теченіе двухъ лѣтъ изъ означенныхъ въ благочинническихъ вѣдомостяхъ за 1824 г. Красноярскаго округа мальчиковъ представлено только двое. ****) Въ то же время онъ до-

*) Напр. за ученикомъ 2 кл. Дмитриемъ Заводовскимъ зачислено было дьяконское мѣсто при Казалинской Троицкой церкви 30 августа 1824 г. Въ этомъ же году получили причетническія мѣста, даже съ посвященіемъ въ стихарь, 5 воспитанниковъ училища. (Дѣло, 1824 г.).

**) Старался зачислить дѣтей въ причетники не только дьячки и вдовы, но и священники. Такъ, одинъ священникъ (села Мекурскаго, Федоръ Тыжновъ), видя, что сына его Петра требуютъ въ училище уже во второй разъ, подалъ прошеніе Преосвященному объ опредѣленіи сына въ дьячки по крайней своей бѣдности. Между тѣмъ, старшій сынъ его былъ уже дьячкомъ въ селѣ Нахвальскомъ, а, кромѣ Петра, другихъ дѣтей не имѣлось. Пресвященный приказалъ о. Ксенофонту учинить дознаніе по этой просьбѣ, каковую въ своемъ донесеніи о. Ксенофонтъ и назвалъ «неблагомажѣренною» (Дѣло 1826 г.). Въ 1827 г. зачислено пономарское мѣсто за ученикомъ, сыномъ священника, Леонидомъ Максимовскимъ, въ селѣ Каминношверскомъ. (Дѣло 1827. л. 56).

***) Указъ Иркутской Консисторіи отъ 20 ноября 1826 г.

****) Въ теченіе двухъ лѣтъ изъ Красноярскаго округа представили дѣтей въ училище только священникъ села Погорьльскаго Тыжновъ и дьяконъ села Сухобузимскаго Пудовиковъ.

жесь семинарскому правленію, что „подлежало бы поступить дѣтей въ училище болѣе, какъ видно изъ вѣдомостей, но по безпечности родителей не представлено отъ Елисейскаго вѣдомства двое, а Красноярскаго десять. При томъ изъ Красноярскаго вѣдомства уже третій годъ не поступаетъ болѣе одного (мальчика)“.

Духовныя правленія почему-то воздержались отъ всякаго отвѣта на бумагу о. Ксенофонта о производствѣ дозванія; въ слѣдующемъ же 1827 г. получены были только вѣдомости благочинныхъ о священноцерковнослужительскихъ дѣтяхъ, имѣвшихъ поступить въ училище, причемъ нѣкоторые благочинные объясняли, что объ отправкѣ дѣтей сдѣлано надлежащее распоряженіе.

Проектъ устава духовныхъ училищъ назначалъ опредѣленный возрастъ для поступления дѣтей въ училища. Именно, въ приходское училище должны были поступать дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 8 лѣтъ, а въ уѣздное—въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ. *) Но училищныя начальства не держались, да и не могли строго держаться, этого правила, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, процентъ учащихся получился бы слишкомъ ничтожный. Поэтому и въ первый классъ приходскаго училища поступали нерѣдко мальчики 12 лѣтъ и старше, а выходили изъ училища иногда лѣтъ 16; въ одномъ же изъ сибирскихъ духовныхъ училищъ **) былъ принятъ въ 1-й классъ мальчикъ 14 лѣтъ. Замѣчено было также начальствомъ, что нѣкоторые родители совсѣмъ не опредѣляютъ дѣтей въ училище и ничему не учатъ ихъ дома. Напр., нѣкто И. С., имѣя отъ роду 19 лѣтъ, ничему не былъ выученъ и проживалъ у разныхъ лицъ въ работникахъ безъ письменнаго вида. ***) Такія уродливыя явленія вызвали новую мѣру со стороны епархіальнаго начальства, именно, строго приказано было благочиннымъ представлять вѣдомости о дѣтяхъ отъ 7 до 8 лѣтъ

*) § 1.

**) Дѣло 1827 г., л. 41.

***) Тамъ же.

съ собственноручными подписками родителей въ томъ, что дѣти ихъ будутъ представлены въ училище въ сентябрѣ мѣсяцѣ; родителей же, не представившихъ дѣтей въ училище въ опредѣленный срокъ, отлѣчали бы въ вѣдомостяхъ „нерадящими о воспитаніи своихъ дѣтей“ и доносили бы о нихъ преосвященному и семинарскому правленію. За невыполненіе этого предписанія благочинные имѣли подвергаться строгому взысканію *).

Несочувствіе родителей и дѣтей къ школѣ выражалось, между прочимъ, въ нежеланіи продолжать дальнѣйшее образованіе по окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ. Такъ, въ 1824 году пять воспитанниковъ, окончившіе курсъ въ приходскомъ училищѣ и переведенные въ уѣздное Томское училище, остались у родителей. На запросъ семинарскаго правленія о причинѣ неявки ихъ въ уѣздное училище, родители, по обычаю, отговорились болѣзнію дѣтей.

За восьмилѣтній періодъ существованія Енисейскаго духовнаго приходскаго училища не было случая поступленія въ него дѣтей лицъ инословныхъ, отчасти, вѣроятно, и потому, что поступленіе инословныхъ мальчиковъ въ духовныя школы соединено было съ значительными затрудненіями; обученіе же въ духовной школѣ въ результатѣ не давало никакихъ правъ и преимуществъ молодымъ людямъ. Относительно дѣтей свѣтскаго званія, желавшихъ обучаться въ духовныхъ училищахъ, духовно-училищнымъ начальствомъ предписано было: 1) принимать такихъ дѣтей въ училища въ качествѣ только п р и в а т н о обучающихся; 2) аттестатовъ имъ не выдавать, а только свидѣтельства, съ обозначеніемъ, что такой-то обучался приватно; свидѣтельства эти ни въ какомъ случаѣ не могли замѣнять аттестатовъ; 3) дѣтямъ инословныхъ родителей, увольняемымъ среди курса, совсѣмъ не выдавать свидѣтельствъ; 4) при увольненіи дѣтей изъ училищъ не въ срочное время, удерживать въ пользу училищной экономіи весь остатокъ сум-

*) Дѣло 1827 г. л. 42.

мы за содержаніе, если таковая внесена была ученикомъ при поступленіи его въ училище. *)

Какъ сказано выше, изъ числа 68 мальчиковъ, показанныхъ въ благочинническихъ вѣдомостяхъ, поступило въ Енисейское училище на первый разъ только 25, изъ коихъ дѣтей священниковъ 14, дьячковъ 10 и одинъ сынъ пономаря. За неимѣніемъ при училищѣ общежитія, всѣ вновь принятыя ученики, кромѣ дѣтей городскаго енисейскаго духовенства, разставлены были по квартирамъ, преимущественно къ бѣднымъ мѣщанамъ и частію отставнымъ солдатамъ.

*) Дѣло, 1826 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Енисейское духовное приходское училище 1820—1828 гг.)

5.

(Продолженіе).

Учебно-воспитательное дѣло.

Въ приходскихъ духовныхъ училищахъ полагалось два класса съ годичнымъ курсомъ каждый. Въ первомъ классѣ преподавалось чтеніе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, чистописаніе и нотное церковное пѣніе; во второмъ классѣ—сокращенный катихизисъ, первыя начала русской грамматики и первыя четыре правила ариметики *). Предъ каждымъ урокомъ прочитывался учениками извѣстный отдѣлъ изъ Нового Завѣта, по назначенію преподавателей.

Мы не имѣемъ возможности обрисовать болѣе или менѣе обстоятельно и подробно постановку учебнаго дѣла и ходъ классныхъ занятій въ Енисейскомъ приходскомъ училищѣ, потому что документы по учебной части, имѣющіеся у насъ подъ руками, представляютъ крайне скудный матеріалъ для таковой обрисовки. Остались отъ того времени только списки учениковъ съ краткими отмѣтками объ ихъ способностяхъ и успѣхахъ, копіи ученическихъ свидѣтельствъ и донесенія о Ксенофонте семинарскому правленію о томъ, «что по какому предмету сдѣлано» въ теченіе учебнаго года. Донесенія эти имѣли чисто формальный характеръ и писались ежегодно по одному шаблону и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Енисейскаго приходскаго училища передавалъ намъ, что преподаваніе шло по большей части

*) §§ 42 и 46 проэк. уст. дух. уч.

безъ разъясненій со стороны наставника; данный урокъ ученики заучивали буквально и механически. Практическія занятія, наприм., по ариѳметикѣ, ограничивались такими задачами со стороны наставника: «сложи столько-то и столько-то, раздѣли столько то на столько-то» и проч. Конечно, въ такомъ приѣмѣ преподаванія нѣтъ ничего страннаго, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія тогдашней педагогической практики; да и въ большинствѣ духовныхъ училищъ Европейской Россіи, до пятидесятихъ годовъ нашего столѣтія, практиковались по большей части такіе же приемы преподаванія.

Порядокъ и время классныхъ занятій въ приходскихъ училищахъ опредѣлены въ проектѣ устава этихъ училищъ *). На основаніи указаній «Проекта», ежедневный ходъ уроковъ можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ:

ДНИ.	Часы	1-й классъ.	Часы	2-й классъ.
		ПРЕДМЕТЫ:		ПРЕДМЕТЫ:
Понедѣл.	9-11	Чтеніе.	9-10	Ариѳметика.
	3-4	Чистописаніе.	11	Чтеніе.
Вторникъ.	9-11	Чтеніе.	9-10	Грамматика.
	3-4	Нотн. церк. пѣн.	11	Чтеніе.
Среда.	9-11	Чтеніе.	9-10	Грамматика.
	3-4	Чистописаніе.	11	Чтеніе.
Четвергъ.	9-11	Чтеніе.	9-10	Ариѳметика.
	3-4	Нотн. церк. пѣн.	11	Чтеніе.
Пятница.	9-11	Чтеніе.	9-10	Грамматика.
	3-4	Чистописаніе.	11	Чтеніе.
Суббота .	9-11	Чтеніе.	9-10	Сокращ. катих.

*) §§ 42—52.

Послѣобѣденные часы (3 и 4) во 2-мъ классѣ назначались на чистописание и церковное потное пѣніе.

Въ духовныхъ училищахъ тогдашняго времени ежегодно производились два рода испытаній учениковъ: одни внутреннія, другія публичныя. Внутреннія испытанія должны были производиться каждую третью года, по назначенію смотрителей и въ присутствіи учителей. Намъ опять неизвѣстно, были ли на первыхъ порахъ въ Енисейскомъ училищѣ внутреннія испытанія, такъ какъ нѣтъ ни одного документа, въ которомъ упоминалось бы о нихъ; относительно же публичныхъ испытаній семинарское правленіе, отъ 23 іюня 1821 г. предписало: «Имѣете Вы, о. Смотритель, въ присутствіи градскаго духовенства, гражданскихъ чиновниковъ и гражданъ, произвести публичное годичное испытаніе ученикамъ, смотрѣнію Вашему ввѣреннымъ, неотложно въ первой половинѣ іюля сего 1821 г., чего для истребуйте предварительно отъ учителей по классу каждаго вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ; а по окончаніи испытанія учениковъ успѣшныхъ имѣете перевести во 2-й классъ, а ученикамъ 2 класса, которые обучались вѣсьмъ предметамъ, положеннымъ для духовныхъ приходскихъ училищъ, выдать свидѣтельства за Вашимъ и г. учителя по своему классу подписаніемъ, для поступленія въ Тобольское уѣздное училище, и билеты, съ тѣмъ, чтобы они къ 1 сентября сего 1821 г. непременно явились въ оное училище; а безуспѣшныхъ и великовозрастныхъ учениковъ, неспособныхъ къ продолженію ученія, исключить изъ училища, съ выдачею имъ свидѣтельствъ, означая въ нихъ и успѣхи по классу чтенія Новаго Завѣта, и билетовъ, съ тѣмъ, чтобы они къ 1 сентября сего же года съ оными свидѣтельствами непременно явились въ правленіе Тобольской семинаріи *).

Означенное предписаніе семинарскаго правленія въ точности было выполнено о. Ксенофонтомъ; публичный экзаменъ произведенъ 11 іюля 1821 г. и результаты его были слѣдующіе:

*) Дѣло 1821 г. л. 60. ср. §§ 31—37 «Проекта».

7 учениковъ 2 класса, какъ сдавшіе экзаменъ удовлетвори-тельно, получили свидѣтельства и билеты для поступления въ Тобольское уѣздное училище; 3 ученика, какъ неоказавшіе успѣховъ въ первый годъ, притомъ и невеликовозрастные, оставлены были въ томъ же классѣ еще на одинъ годъ.

Въ своемъ донесеніи о производствѣ публичнаго экзамена о. Ксенофонтъ, по обычаю, не вдается въ подробности: произведено-де публичное испытаніе и только. Но семинарское правленіе на этотъ разъ не удовлетворилось такимъ лаконизмомъ и предписало о. Ксенофонту немедленно донести, чѣмъ занимались ученики и что сдѣлано въ теченіе учебнаго года. О. Ксенофонтъ отвѣтилъ семинарскому правленію буквально слѣдующее: «Во 2-мъ классѣ изъ русской грамматики прочитано и выучено на память до словосочиненія, а изъ арифметики объяснены и на память выучены первыя четыре правила съ повѣрками оныхъ. Въ потномъ пѣніи успѣли каждый по способности къ тому, а сокращенный катихизисъ, за неимѣніемъ книгъ, преподаваемъ не былъ. Ученики же 1 класса положеннымъ въ ономъ предметамъ занимаемы были неопустительно и успѣвали въ оныхъ каждый по мѣрѣ способностей своихъ» *).

Въ дѣлахъ училищнаго архива сохранилось подлинное письмо ректора Тобольской семинаріи, архимандрита Евгенія, на имя о. Ксенофонта, по поводу вышеприведеннаго донесенія его. Приводимъ текстъ письма. «Я счелъ за нужное», пишетъ ректоръ, «наки обратить къ вамъ сію бумагу. Ибо въ ней написано, что сокращенный катихизисъ, за неимѣніемъ книгъ, преподаваемъ не былъ. Помнитея мнѣ, что къ вамъ въ училище послано пять экземпляровъ сего катихизиса съ русскимъ букваремъ. Да если и не было послано изъ семинарскаго правленія, то книга сія невелика. Можно бы диктовать на бумагу ученикамъ и давать выучивать имъ, хотя это и очень трудно, особенно для начинающихъ учиться пи-

*) Дѣло 1821 г. л. 156. Буквально такіе же донесенія писались ежегодно по окончаніи испытаній.

ать. Покрайней мѣрѣ слѣдовало бы вамъ извѣстить семинарское правленіе предварительно, что въ вашемъ училищѣ не преподается катихизисъ, за немѣнимъ книги. Но что дѣлать? Если репортовать въ академію, какъ вы пишете въ донесеніи своемъ, то и намъ не такъ-то хорошо, а вамъ еще хуже будетъ. Ибо тягота выговора всего падеть непосредственно на васъ. Конечно, для васъ порядокъ нынѣшняго училищнаго правленія новъ. И мы къ нему не вдругъ привыкли, а иногда, какъ люди, ошибались. Но прошу васъ быть впередъ осторожнѣе въ донесеніяхъ своихъ и бумагу сію пережгите. И если вы дѣйствительно не можете отыскать сколько-нибудь сокращеннаго катихизиса по Енисейску, то поспѣшите съ первоотходящею почтою увѣдомить меня лично, а я постараюсь отыскать и немедленно доставить къ вамъ сколько-нибудь экземпляровъ этой книги.

Р. С. «Также увѣдомьте меня: сдѣлали-ли вы отношенія въ духовныя уѣздныя правленія о высылкѣ дѣтей священнослужительскихъ къ записанію въ училище? И поступаютъ ли къ вамъ въ училище по принадлежности новые ученики. Ибо прошлаго года духовною консисторіею предписано всемъ духовнымъ правленіямъ высылать дѣтей каждагодно къ 1 сентября для записи въ училище. И о семъ потому беспокоюсь и желаю знать, что нѣкоторыя правленія перѣдко забываютъ со всемъ указныя предписанія духовной консисторіи» *).

Дѣйствительно, въ началѣ перваго учебнаго года предпроеждено было въ училище 5 экземпляровъ букваря съ сокращеннымъ катихизисомъ; но въ духовныхъ приходскихъ училищахъ полагалось проходить не этотъ катихизисъ; стало быть, о. ректоръ Тобольской семинаріи болѣе самъ былъ виноватъ, что не распорядился о высылкѣ о. Ксенофонту «краткаго катихизиса». Поэтому-то, какъ намъ кажется, онъ и не потребовалъ формальнаго объясненія отъ о. Ксенофонта, а ограничился только братскимъ предупредительнымъ письмомъ. Мы же

*) Дело 1821 г. л. 79.

знаемъ, что отвѣтилъ ему о. Ксенофонтъ, известно только, что краткаго катихизиса въ Енисейскѣ не нашлось ни одного экземпляра; семинарское же правленіе, выславъ въ 1820 году только 5 букварей на 25 учениковъ, въ слѣдующемъ году, послѣ вышеупомянутой переписки съ о. Ксенофонтомъ, выслало сразу 65 букварей, а также обильно снабдило Енисейское училище и другими учебными книжками. А все-таки краткаго катихизиса въ училищѣ не было, пока оно не перешло въ вѣдѣніе Иркутской семинаріи и пока семинарское начальство не потребовало отъ о. Ксенофонта объясненія по этому вопросу. Отнестись ему было легко, потому что не онъ былъ виноватъ въ томъ, что ему не выслали учебной книжки. Тѣмъ не менѣе, и странно, и грустно, что одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ училищнаго курса нѣсколько лѣтъ преподавался кое-какъ за неимѣніемъ учебника, стоившаго всего нѣсколько копѣекъ ассигнаціями.

По окончаніи перваго учебнаго года воспитанникамъ 2-го класса, назначеннымъ для поступленія въ Тобольское уѣздное училище, выданы были свидѣтельства съ одною общою отмѣткою по всѣмъ предметамъ. Напр., ученикъ N обучался въ Енисейскомъ духовномъ приходскомъ училищѣ «съ способностями, прилежаніемъ и поведеніемъ похвальными и оказался усѣбнѣвшимъ въ предметахъ, въ томъ классѣ положенныхъ, довольно хорошо». Семинарское начальство нашло такую форму свидѣтельствъ неправильною и предписало, чтобы на будущее время въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ, какъ поступающимъ въ уѣздное училище ученикамъ, такъ и исключеннымъ, «отмѣчать рекомендацію по каждому особенно учебному предмету, и положенному въ училищѣ» *).

Въ первый же учебный годъ у о. Ксенофонта явилась мысль нѣсколько расширить училищную программу обученіемъ учениковъ чтенію и письму полатинѣ, о чемъ онъ и ходатайствовалъ предъ семинарскимъ правленіемъ и просилъ въ

*) Дѣло, 1821 г. л. 95.

тоже время выслать за деньги 50 экземпляровъ «латинскихъ первоначалій и прописей». Просьба была мотивирована тѣмъ, заслуживающимъ вниманія, обстоятельствомъ, что ученики, поступающіе въ уѣздныя училища, должны умѣть читать и писать полатински, между тѣмъ преподавать этотъ предметъ въ приходскихъ училищахъ программю не положено. Семинарское Правленіе отвѣтило, что «такъ какъ обученіе латинскому языку въ духовныхъ приходскихъ училищахъ не положено, то и нельзя испрашивать у комиссіи духовныхъ училищъ латинскихъ первоначалій и прописей для Енисейскаго училища; а можете Вы, о. смотритель, выписать ихъ отъ московскихъ книгопродавцевъ» *). Иначе отнеслось къ этому дѣлу Иркутское семинарское правленіе, но, къ сожалѣнію, уже черезъ 5 лѣтъ послѣ ходатайства о. Ксенофонта. По тщательномъ обсужденіи вопроса, оно предписало всеѣмъ приходскимъ училищамъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, чтобы въ нихъ непремѣнно обучали дѣтей чтенію и письму не только полатынѣ, но и по гречески, съ тѣмъ, однако, условіемъ, «чтобы несовершенство въ чтеніи и чистописаніи латинскомъ и греческомъ не останавливало учащихся, исправныхъ въ знаніи прочихъ предметовъ, въ приходскомъ училищѣ» **).

Необходимую принадлежность каждаго учебнаго заведенія составляетъ библіотека. При открытіи Енисейскаго духовнаго училища сдѣланы были разными лицами значительныя денежныя пожертвованія собственно на бѣдныхъ учениковъ, но о библіотекѣ никто не подумалъ, никто не сдѣлалъ пожертвованія и книгами. Не старалось и само училищное начальство о приобрѣтеніи полезныхъ книгъ, хотя о. Ксенофонтъ, какъ человекъ уважаемый и вліятельный, могъ бы сдѣлать въ этомъ отношеніи не мало добраго. Поэтому, вся инициатива по устройству библіотеки принадлежала исключительно высшему духовно-училищному начальству. Прежде всего оно предписало

*) Дѣло 1821 г., л. 50.

***) Дѣло 1827 г.—л. 60 61.

приобрѣсти въ училище Библію и рекомендовало «распространить это безцѣнное сокровище не только между учащими, но и учащимися»; затѣмъ, рекомендовало выписывать только что начавшіе выходить журналы «Христіанское Чтеніе» и «Журналь Императорскаго человѣколюбиваго общества», въ томъ предположеніи, что «чтеніе помѣщаемыхъ въ послѣднемъ изданіи статей, относящихся къ благотворенію, можетъ вселить въ юношество къ ближнему состраданіе, возбудить соревнованіе къ добродѣтельнымъ подвигамъ», далѣе рекомендовались огласительныя поученія св. Кирилла Іерусалимскаго, вновь отпечатанный томъ поучительныхъ словъ Филарета, архієпископа московскаго, книга, подъ заглавіемъ: «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской» и пр. Рекомендую тѣ или другія книги для училищныхъ библіотекъ, высшее начальство зорко слѣдило, чтобы въ эти библіотеки не пошло книгъ, хотя и религіознаго характера, но искажавшихъ истинное христіанское ученіе, а также книгъ, не разсмотрѣнныхъ духовною цензурою, или отпечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1825 г. Иркутскій преосвященный получилъ копію Высочайшаго указа, на имя министра народнаго просвѣщенія, коимъ, между прочимъ, предписывалось имѣть строгое наблюденіе, чтобы, какъ въ изданныхъ, такъ и въ издаваемыхъ сочиненіяхъ самостоятельныхъ и переводныхъ, особенно назначенныхъ для школъ, не укрывалось бы ничего, колеблющаго вѣру и благонравіе. Въ этомъ же году снова полученъ былъ всѣми духовно-учебными заведеніями указъ Святѣйшаго Синода съ предостереженіемъ, что въ обращеніи находится не мало книгъ, въ которыхъ, «подъ видомъ таинственнаго истолкованія Священнаго Писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ такъ-называемому нравственному, но въ сущномъ дѣлѣ развратному ученію, искажена святость книгъ Божественнаго откровенія и разсѣяны явныя и возмутительныя лжеученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ, что книги эти успѣли уже послужить, къ порожденію весьма вред-

ныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которыя, разрушая священнѣйшія связи между церковію, престоломъ и отечествомъ, вводятъ въ соблазны, развращаютъ нравы и портятъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное *).

При скудости матеріальныхъ средствъ и недостаткѣ надлежащей заботливости ближайшаго училищнаго начальства, бібліотека Енисейскаго духовнаго училища цѣлые десятилетия находилась въ зачаточномъ состояніи. За восьмилетній періодъ существованія собственнаго приходскаго училища для фундаментальной училищной бібліотеки приобрѣтены были только слѣдующія книги: 1) Библія, 2) Новый Заветъ, 3) Огласительныя поученія св. Кирилла Иерусалимскаго, 4) «Христіанское чтеніе» за 3 года, 5) «Краткое объясненіе церковнаго устава», 6) «Россійскіе и греческіе разговоры», соч. Поппадопуло, 7) «Арифметика Вейдлера», 8) Проектъ устава духовныхъ академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ (отдѣльными книжками), 9) «Проектъ положенія объ ученикахъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, къ содержанію себя способа неимѣющихъ», и 10) Руководство учителямъ 1 и 2 классовъ **).

Характеръ и задача религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей низшихъ духовныхъ школъ прекрасно выражены въ самомъ уставѣ духовныхъ приходскихъ училищъ. Основною воспитанія полагался страхъ Господень, который долженъ былъ

*) Означеннымъ указомъ повелѣвалось изъ употребленія слѣдующія книги, не разсмотрѣнныя цензурою и напечатанныя въ частныхъ типографіяхъ: 1) «Воззваніе къ челоѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»; изд. 1820 г.; 2) «Таинство Креста», 1820 г.; 3) «Путь ко Христу», соч. Бема, 1815 г.; 4) «Побѣдная повѣсть», соч. Штилинга, 1815 г.; 5) «Письма къ другу объ орднѣ свободныхъ каменщиковъ», 1816 г.; 6) «Сіонскій Вѣстникъ», 1816, 1817 и 1818 гг.; 7) Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской», 1821 г.; 8) Краткій и легчайшій способъ молиться», соч. Гіонъ, 1821 г.; «Толкованіе на Дѣянія и Посланія апостольскія, Евангеліе, Апокалипсисъ, Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней, Іисуса Сына Сирахова», изд. 1820—1823 гг., соч. той же Гіонъ; 10) «Божественная философія», 1818—1819 гг.

**) Дѣло 1827 г. л. л. 47, 54 и 84.

всаждаться въ сердца юношей утвержденіемъ и распространеніемъ между ними здравыхъ понятій о непрерывности отношеній нашихъ къ Богу и о дѣйствіяхъ промысла Его на всѣ мгновенія жизни; эти понятія должны больше всего укрѣплять наставники собственнымъ примѣромъ и богобоязненностію. Благочестіе ихъ есть краеугольный камень христіанскаго воспитанія. Наставникамъ вѣдувалось поощрять, ободрять и покровительствовать благоправнымъ ученикамъ, грубыхъ же и непослушныхъ исправлять и наказывать; но исправленія, или наказанія должны быть располагаемы съ крайнею внимательностію къ возрасту, характеру, къ степени чувствительности и свойствамъ разума. Онѣ должны быть рѣдки, вынужденны, безъ мести, безъ вспыльчивости, безъ озлобленія, а особливо безъ униженія» *).

Какъ поставлено было воспитательное дѣло въ Енисейскомъ приходскомъ училищѣ, находилось ли оно въ соотвѣтствіи съ гуманными требованіями проекта устава духовныхъ училищъ, или нѣло въ разрѣзъ съ ними, какъ и было на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ тогдашнихъ низшихъ духовныхъ школъ, опредѣленно отвѣтить не можемъ. Никакихъ записей по воспитательной части за восьмилѣтній періодъ жизни училища ведено не было. Въ училищныхъ дѣлахъ описываемаго времени мы встрѣтили только одну бумагу на имя полиціи о принятіи мѣръ къ розыску бѣжавшаго изъ бурсы ученика. Бывшіе воспитанники уже уѣзднаго духовнаго училища передавали намъ, что случаи бѣгства изъ училища воспитанниковъ были далеко не единичные, но только училищное начальство обходилось безъ содѣйствія полиціи, а принимало свои домашнія мѣры. Вызывались эти случаи, вѣроятно, вообще неудовлетворительностію постановки школы. Достоверно извѣстно также, что правильного школьнаго надзора не было; ученики жили сначала въ частныхъ квартирахъ подъ ближайшимъ контролемъ квартирныхъ хозяевъ и нерѣдко въ полномъ ихъ распорядкѣ;

*) См. Введеніе къ Проекту Уст. дух. училищъ.

да и въ послѣдствіи, по открытіи бурсы, въ внѣклассное время ученики предоставлены были самимъ себѣ. Достоверно также и то, что самъ о. Ксенофонтъ прибѣгалъ къ розгѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ нарушенія учениками школьной дисциплины и наказывалъ провинившихся шалуновъ очень умѣренно; въ то же время онъ умѣлъ и поощрять благонаправленныхъ мальчиковъ: ласкалъ ихъ, поилъ сбитнемъ съ калачами и награждалъ деньгами. Но нѣкоторые изъ наставниковъ достигали внѣшней исправности учениковъ крутыми мѣрами.

(Продолженіе будетъ).

Енисейское духовное приходское училище.

(1820—1828 гг.)

(Продолженіе.)

6.

Училищная бурса и ученическія квартиры.

Положеніе сиротъ и бѣдныхъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній было всегда предметомъ особенной заботливости духовно-училищнаго начальства. Для матеріальнаго обезпеченія такихъ воспитанниковъ высшее духовно-училищное начальство изыскивало разные источники, напр. ежегодные вклады отъ монастырей, единовременныя приношенія отъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ, доходы отъ продажи листовъ разрѣшительной молитвы и вѣнчиковъ и постоянные оклады на содержаніе воспитанниковъ. Пособія, назначаемыя сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей, дозволялось выдавать и родственникамъ сиротъ и даже хозяевамъ, у которыхъ квартировали сироты, но дозволялось только по нуждѣ; вообще же рекомендовалось училищнымъ начальствамъ «стараться о совокупномъ жительствѣ и содержаніи учениковъ (при училищѣ), гдѣ есть удобность къ тому» *). Если число сиротъ и бѣдныхъ воспитанниковъ было довольно значительное, а при училищѣ не находилось для нихъ удобнаго помѣщенія, то дозволялось нанимать общія квартиры, иначе—устраивать небольшія бурсы, но опять подъ условіемъ, чтобы такихъ бурсъ было немного, «ибо умноженіе ихъ могло умножать издержки на заведеніе и содержаніе домовъ и соединялось съ другими невыгодами». **) Дозволялось, впрочемъ, и своекоштнымъ воспитанникамъ жить при училищѣ, если при немъ оказывалось достаточное помѣщеніе; для тѣхъ же учени-

*) Прозкъ положенія о ученикахъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ къ содержанію себя способа не имѣющихъ. § 25 и др.

**) Тамъ же, § 26, п. 6.

ковъ, которыхъ нельзя было помѣстить въ казенныхъ зданіяхъ, родители или родственники учениковъ должны были нанимать квартиры у обывателей съ честнымъ именемъ и преимущественно у духовныхъ лицъ, — не въ далекомъ разстояніи отъ училища, такъ чтобы эти квартиры могли помѣщать въ себѣ отъ 5 до 10 человекъ, составляя отдѣльный покой отъ семейства обывательскаго. Особенно благоправныхъ учениковъ дозволялось помѣщать въ домахъ и поодиночкѣ *).

При Енисейскомъ духовномъ приходскомъ училищѣ, по недостатку помѣщенія, на первыхъ порахъ, не было бурсы; всѣ воспитанники жили въ частныхъ квартирахъ и притомъ не совокупно или группами, а разрозненно, поодиночкѣ.

Вскорѣ по открытіи училища, о. Ксенофонтъ получилъ примѣрные штаты бурсъ для духовныхъ училищъ. Бурсачные оклады раздѣлены были на 3 разряда; къ первому же разряду отнесена была и Тобольская епархія съ подвѣдомственными ей духовными училищами. Бурсаковъ въ духовныхъ училищахъ этой епархіи полагалось 20, такое же количество и полубурсаковъ; на содержаніе бурсака ассигновывалось 80 р., — на полубурсака 40 р. въ годъ.

Изъ числа 25 мальчиковъ, поступившихъ въ новооткрытое Енисейское училище, оказалось 5 сиротъ и дѣтей бѣдныхъ причетниковъ, о принятіи которыхъ на казенное содержаніе о. Ксенофонтъ и ходатайствовалъ предъ семинарскимъ правленіемъ. Получивъ разрѣшеніе и бурсачные оклады по 60 р. на мальчика, вмѣсто 80 р., смотритель пристроилъ дѣтей на частныя квартиры. Содержать мальчика въ теченіе года на шестидесятирублевый окладъ было крайне затруднительно; самая плохая квартира со столомъ для одного мальчика стоила въ годъ 35 р.; кромѣ же пищи, требовались: одежда, обувь, письменныя принадлежности и пр., такъ что содержаніе полнаго бурсака обходилось никакъ не менѣе 80 р. въ годъ. Отсюда являлась необходимость недостатокъ штатнаго ассигно-

*) Проэктъ уст. д. прих. училищъ §§ 68—70.

ванія покрывать частными пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ учениковъ.

Въ началѣ 1821 г. состоялось новое росписаніе штатовъ бурсы. Въ виду возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, коммиссія духовныхъ училищъ нашла нужнымъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ окладовъ служащимъ въ училищахъ, увеличить и бурсачные оклады, такъ что въ епархіяхъ 1-го разряда окладъ для полнаго бурсака назначенъ былъ въ 120 р., 2-го разряда въ 100 р. и 3-го въ 80 р., окладъ же для полубурсака во всѣхъ епархіяхъ равнялся половинѣ полнаго бурсачнаго оклада. Сообщивъ о. Ксенофонту росписаніе штатовъ бурсы, правленіе не выслало денегъ, соотвѣтственно новымъ штатамъ, а потребовало отъ смотрителя мнѣнія, сколько нужно прибавить къ старымъ окладамъ, высланнымъ правленіемъ на каждаго бурсака и полубурсака. Припомнимъ, что на полнаго бурсака правленіе выслало только 60 р. На этотъ запросъ о. Ксенофонтъ отвѣтилъ, что, «по случаю возвышенія цѣнъ на припасы, а особливо на вещи для одѣянія», необходимо возвысить окладъ на бурсака по крайней мѣрѣ до 80 р. въ годъ. Но и на эту скромную просьбу семинарское начальство отвѣтило уклончиво, — оно обѣщало только шестидесятирублевые оклады *возвысить только немного*, а на сколько именно, — умалчивало. Судя по записямъ въ приходно-расходной книгѣ училища, есть основаніе думать, что шестидесятирублевый окладъ на бурсака возвышенъ былъ только на 10 рублей.

Какъ сказано выше, своекоштные ученики платили за квартиры со столомъ отъ 35 до 60 р. въ годъ. Впрочемъ, тридцатипятирублевыхъ квартиръ было только двѣ, за остальные же платили значительно дороже. Въ счетъ расплаты за квартиру родители иногда обзывались доставлять хозяевамъ определенное количество муки, мяса и масла, если это находили для себя удобнымъ обѣ стороны. Каковы были ученическія квартиры, чѣмъ кормили и поили учениковъ хозяева, сказать не можемъ, не имѣя подъ руками никакихъ данныхъ для опре-

дѣленнаго отвѣта. Вообще же нужно сказать, что въ положенія квартирныхъ воспитанниковъ Енисейскаго училища, пачиная съ втораго года его существованія, замѣчается рѣзко выдающаяся неприглядная особенность, которая можетъ быть объяснена главнымъ образомъ исключительностію положенія сибирскаго духовенства, а отчасти и безпечностію нѣкоторыхъ родителей. Родители неаккуратно платили деньги за содержаніе дѣтей въ квартирахъ, а нерѣдко и вовсе не расплачивались съ хозяевами по году, по два и даже по три, вслѣдствіе чего явилась масса прошеній со стороны квартирныхъ хозяевъ. Неисправностію въ расплатѣ съ хозяевами отличались не одни причетники, но и священники, повидимому, болѣе или менѣе состоятельные. Кромѣ неуплаты денегъ за квартиру, нѣкоторые родители не высылали дѣтямъ ни одежды, ни обуви, ни бѣлья, не давали ни гроша на книги и письменныя принадлежности. Отчасти изъ чувства состраданія, отчасти въ силу необходимости, хозяева не только даромъ кормили нищихъ квартирантовъ, уювая на уплату денегъ въ будущемъ, но даже покупали имъ необходимыя вещи изъ одежды, книги и бумагу. Поэтому, можно представить себѣ тѣ невзгоды и лишения, какія терпѣли бѣдные мальчишки, можно представить ихъ положеніе при такомъ отношеніи къ нимъ родителей. Между тѣмъ, квартирные хозяева буквально осаждали о. Ксенофонта прошеніями о взыскаіи съ родителей за содержаніе дѣтей; такъ, въ одинъ годъ подано было болѣе десятка прошеній *). Смотритель сносился по этимъ прошеніямъ съ духовными правленіями или благочинными, эти предписывали отцамъ, а послѣдніе удовлетворяли хозяевъ или уплатою денегъ по частямъ, или отписывались, или отмалчивались. Подъ вліяніемъ гнетущей нужды и, вѣроятно по требованію хозяевъ, не церемонившихся съ убыточными нахлѣбниками, даже сами дѣти письменно заявляли смотрителю о своемъ безвыходномъ, бѣдственномъ положеніи. И замѣчательно, что это грустное явленіе проходитъ чрезъ весь періодъ существованія училища.

*) См. Дѣло 1824 г.

Въ свою очередь постепенно назрѣвалъ вопросъ объ открытіи при училищѣ бурсы. Начальство, видимо, было недовольно существовавшимъ порядкомъ содержанія казенныхъ воспитанниковъ и внушало о. Ксенофонту, чтобы онъ поторопился открытіемъ бурсы. Такъ, повѣривъ экономическую отчетность по училищу за 1822 г., правленіе семинаріи, между прочимъ, предписывало о. Ксенофонту: «Какъ содержаніе бурсачныхъ учениковъ по квартирамъ можетъ быть только по нуждѣ, въ силу § 25 проекта, преимущественно же надо стараться о совокупномъ жителствѣ учениковъ, гдѣ есть къ тому удобность; а въ Енисейскомъ монастырѣ, гдѣ находится духовное приходское училище, есть, какъ извѣстно, жилыя комнаты, въ которыхъ могли бы совокупно жить все бурсачные ученики, тѣмъ болѣе, что и число таковыхъ учениковъ при томъ училищѣ очень малое; а потому немедленно всехъ бурсачныхъ учениковъ свести съ квартиръ и помѣстить при училищѣ въ монастырѣ, какъ для большаго соблюденія экономіи въ суммѣ, такъ и для лучшаго надзора начальственнаго за успѣхами и поведеніемъ таковыхъ учениковъ, и имѣть вамъ самимъ, о. смотрителю, непосредственное попеченіе о снабженіи бурсаковъ и одеждою, и бѣльемъ, и обувью, смотря по ихъ нуждѣ и по доставляемой окладомъ возможности» *). На это предписаніе о. Ксенофонтъ отвѣтилъ такъ: «Касательно сведенія бурсаковъ съ квартиръ и помѣщенія ихъ въ монастырѣ доношу, что по неимѣнію въ ономъ жилыхъ порожнихъ комнатъ, каковыя двѣ только-что заготовляются, и не прежде, какъ въ будущее лѣто изготовлены быть могутъ по надлежащему, помѣстить теперь совсѣмъ нѣгдѣ» **). Но въ этомъ же году семинарское правленіе еще разъ напомнило смотрителю о необходимости носильшита устройствомъ бурсы; спрашивало даже о количествѣ комнатъ, предназначенныхъ для бурсы, вмѣстимости ихъ, о кладовыхъ для храненія припасовъ, потребныхъ на содержаніе бурсаковъ, а равно и о томъ, не нужно ли къ имѣю-

*) Дѣло 1822 г., л. 15.

**) Дѣло 1822 г., л. 143.

щимся комнатамъ пристроить еще какія либо помѣщенія безъ особенныхъ, впрочемъ, издержекъ.

Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, почему о. Ксенофонтъ медлил открытіемъ бурсы, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, при монастырѣ можно было бы найти помѣщеніе для 7 или 10 мальчиковъ. Быть можетъ, онъ предвидѣлъ, что расходы по устройству ея, содержанію новаго штата прислуги и отчасти бурсаковъ не совсѣмъ легко отзовутся на монастырскомъ кошелькѣ, тѣмъ болѣе, что семинарское начальство не отличалось щедростію и тщательно учитывало всякій грошъ, жертвуемый даже самимъ о. Ксенофонтомъ; быть можетъ, при своихъ служебныхъ обязанностяхъ по сану архимандрита, должности предсѣдателя духовнаго правленія и смотрителя училища, о. Ксенофонтъ не хотѣлъ брать на себя новаго и хлопотливаго труда, тѣмъ болѣе, что у него не было надежныхъ помощниковъ изъ учителей по надзору за бурсаками. Во всякомъ случаѣ, на данный вопросъ нельзя отвѣтить утвердительно.

Получая довольно рѣшительные отвѣты о неимѣніи при монастырѣ комнатъ для бурсы, начальство вынуждено было дать о. Ксенофонту отсрочку на годъ, чтобы устроить помѣщеніе для бурсаковъ и дозволило содержать ихъ пока въ частныхъ квартирахъ, но подъ условіемъ, чтобы они пользовались отъ хозяевъ только столомъ; снабжать же ихъ одеждою, обувью и бѣльемъ обязательно предписывалось самому смотрителю.

Наконецъ, въ началѣ 1823 г. послѣдовало открытіе бурсы, которая и помѣщена была въ двухъ комнатахъ каменной пристройки около монастырской церкви *). Должно быть, это помѣщеніе, какъ и самое училище, требовало «поправокъ многихъ», потому что для этихъ «комнатъ» пришлось устроить двѣ печи и новыя рамы; вообще же израсходовано на устрой-

*) Захарьевской церкви, о которой мы упоминали ранѣе. Съ обѣихъ сторонъ вратъ подъ этою церковію имѣются двухэтажныя каменные пристройки, занимавшіяся съ правой стороны вверху духовнымъ правленіемъ (внизу помѣщался архивъ правленія), а пристройка съ лѣвой стороны предназначена была для келій. Такъ какъ для братіи имѣлось другое помѣщеніе, то въ этой-то пристройкѣ съ лѣвой стороны вратъ и помѣщена была бурса. (Дѣло 1823 г., л. 180. Памят. кн. Енис. губ. на 1863 г. стр. 336).

ство бурсы слишкомъ 130 рублей.

Въ новосткрытой бурѣ поселилось 8 бурсаковъ и 3 полубурсака. Интересно повѣрить по приходорасходной книгѣ, чѣмъ кормили бурсаковъ и сколько обошлось содержаніе 11 мальчиковъ въ теченіе 11 учебныхъ мѣсяцевъ. За это время куплено: 66 пуд. 13 ф. ржаной муки, 5 п. пшеничной, 3 п. 8 ф. крупы, 8 п. 30 ф. говядины, 2 п. рыбы и 1 п. соли. Стало быть, на каждого изъ мальчиковъ приходилось въ мѣсяць приблизительно по 25 ф. ржаной муки, почти по 2 ф. пшеничной, по 1 ф. крупы, почти по 3 ф. мяса, приблизительно по $\frac{3}{4}$ ф. рыбы и на $1\frac{1}{2}$ коп. соли. Монастырскому повару, готовившему пищу и для бурсаковъ, уплачено за 11 мѣсяцевъ 11 рублей. Все содержаніе бурсаковъ и полубурсаковъ пищею, а бурсаковъ и одеждою, обошлось въ 204 р. $13\frac{1}{2}$ коп. *), т. е. издержано было на бурсака нѣсколько болѣе 20 р. и на полубурсака почти половина этой цифры въ годъ, — цифра поразительно малая сравнительно съ тою, которая платилась за содержаніе бурсака въ квартирѣ. Возьмемъ, наудачу, другой годъ, напр., 1827. Въ этомъ году израсходовано на содержаніе одного бурсака и 4-хъ полубурсаковъ 84 р. $78\frac{1}{2}$ к., — цифра опять ничтожная. Положимъ, что сюда не входило содержаніе бурсачнаго помѣщенія и прислуги, кромѣ монастырскаго повара, который получалъ изъ бурсачной суммы только 12 рублей въ годъ. Естественно отсюда предположить, что въ книгу заносились не всѣ предметы расхода, а потому и цифры ны данныя на бумагѣ едва ли находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ расходомъ. Такъ, въ приходорасходной книгѣ за одинъ годъ не значится, что покупалось скоромное масло, а за другой годъ не показано постнаго масла, не записано никакихъ овощей, даже луку; между тѣмъ, вѣроятно, для бурсаковъ варили щи и супъ, на что требовались капуста и картофель, вѣроятно, сдабривали и кашу, хотя саломъ или коноплянымъ масломъ; въ одинъ годъ **)

*) Дѣло 1823 г., л. 180.

**) 1827-й.

куплено крупы только $2\frac{1}{2}$ пуда, такъ что на каждый день приходилось ея почти только по $\frac{1}{4}$ ф. на 5 человекъ, что невѣроятно. Остается предположить, что или содержаніе бурсаковъ было чрезвычайно скудное, или же о. Ксенофонтъ не рѣдко кормилъ бурсаковъ изъ монастырскаго котла. Последнее предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. И, не смотря на скромную официальную цифру расхода по содержанію бурсы и, поэтому, ежегодные остатки отъ штатныхъ окладовъ, о. Ксенофонтъ постоянно жертвовалъ лично отъ себя на бурсу 25 р. въ годъ и столько же собиралъ отъ другихъ благотворителей.

Кстати не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о костюмѣ тогдашняго бурсака. Бѣлье шилось изъ толстаго крестьянскаго холста, брюкъ не полагалось; прямо на рубашку надѣвался «капотъ» (армякъ) изъ крестьянскаго сукна, изъ этого же сукна шили чулки; обувью служили кожаные чарки (на подобіе женскихъ башмаковъ), которые привязывались къ ногамъ оборами; шея повязывалась косынкою изъ толстаго крестьянскаго холста, а голова украшалась войлочною шляпою, какія носить, обыкновенно, крестьяне. Въ дополненіе, нѣкоторые ученики имѣли кожаные рукавицы; нѣкоторые своекоштные ученики имѣли бараньи тулупы, но бурсаки обходились и безъ этой роскоши, щеголяя зимой въ однихъ легкихъ «капотахъ»; въ этихъ же капотахъ они обѣдали, ужинали и занимались вечеромъ. Отдѣльнаго лѣтняго костюма для бурсака не полагалось.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ статьѣ: «Енисейское духовное приходское училище» .

За восьмилѣтній періодъ самостоятельнаго существованія Енисейскаго духовнаго приходскаго училища въ немъ обучалось 120 воспитанниковъ, т. е. круглымъ числомъ поступало ежегодно въ оба класса училища по 15 мальчиковъ. Конечно, цифра очень незначительная, если взять въ расчетъ пространство теперешней Енисейской губерніи безотносительно къ ея населенію и почти отсутствіе въ тогданнее время низшихъ (не говоря о среднихъ) свѣтскихъ учебныхъ школъ въ 5-ти округахъ Енисейской губерніи, въ которыхъ дѣти духовенства могли бы получить нѣкоторую грамотность. Но если принять во вниманіе, что на огромномъ пространствѣ Енисейской губерніи было въ то время менѣе 100 церквей, что Енисейская школа находилась не въ центрѣ губерніи и что, наконецъ, она составляла для духовенства, особенно низшаго, новое, непривычное явленіе, то и эта цифра обучавшихся въ школѣ далеко не такъ ничтожна, какою она представляется на

первый взглядъ. Енисейская духовная школа, подъ руководствомъ дѣльнаго начальника, сослужила не малую службу: она подготовила для мѣстныхъ приходовъ низшихъ членовъ церковнаго клира, подготовила также для дальнѣйшаго школьнаго образованія дѣтей мѣстнаго духовенства, изъ которыхъ вышли въ послѣдствіи достойные пастыри церкви, опытные преподаватели духовныхъ школъ, усердные дѣятели на гражданской службѣ, и даже одинъ изъ воспитанниковъ, обучавшійся первоначально въ этой школѣ, занималъ въ послѣдствіи епископскую кафедру преемственно въ трехъ сибирскихъ епархіяхъ.

Нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ Енисейскаго училища еще здравствуютъ и, по всей вѣроятности, съ удовольствіемъ вспоминаютъ свою школьную жизнь, своихъ первыхъ наставниковъ и товарищей. Да и вообще, далекое прошлое нашей первой епархіальной школы и для многихъ изъ насъ имѣетъ особенный интересъ, такъ какъ минувшая и настоящая жизнь духовнаго училища представляютъ одно цѣлое, неразрывное.

Имѣя это въ виду, а также желая, насколько возможно, представить болѣе полный очеркъ Енисейскаго духовнаго приходскаго училища, мы помѣщаемъ списокъ преподавателей и воспитанниковъ училища. Но при этомъ крайне сожалѣемъ, что не было возможности собрать хотя краткихъ свѣдѣній о служебномъ положеніи и дѣятельности каждаго изъ нихъ по выходѣ изъ училища.

Преподаватели и воспитанники Енисейскаго приходскаго духовнаго училища. (Съ 1820 по 1828 годъ включительно).

А. Преподаватели.

Смотритель училища, Енисейскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Ксенофонтъ. Сынъ священника, Пермской епархіи, Шадринскаго уѣзда, Петропавловской слободы, Знамен-

ской церкви, Алексѣя Попова. Родился въ 1782 году. Обучался въ Тобольской семинаріи и по окончаніи курса рукоположенъ во діакона къ Тобольской Богородицерождественской церкви. 22 октября 1808 г. опредѣленъ, по вдовству, въ Томскій Алексѣевскій монастырь и преподавалъ въ бывшей Томской гимназіи высшую грамматику. 1812 г. августа 14 переведенъ въ Тобольскій Знаменскій монастырь и былъ въ ономъ казначеемъ *) и въ семинаріи учителемъ средняго и высшаго грамматическихъ классовъ. Въ монашество постриженъ 6 апрѣля 1813 г. и въ маѣ (22 числа) рукоположенъ въ іеромонаха. 1816 г. 9 января назначенъ игуменомъ Троицкаго Туруханскаго монастыря, а отсюда, указомъ Св. Синода, отъ 17 іюля 1819 г., переведенъ и 22 февраля 1820 г. произведенъ въ архимандрита Енисейскаго Спасскаго монастыря и опредѣленъ смотрителемъ Енисейскаго приходскаго духовнаго училища. За прохожденіе смотрительской должности, указомъ Св. Синода, отъ 25 сентября 1823 года, дозволено употреблять ему въ священнослуженіи мантию съ зелеными бархатными скрижалями.

2.

Учитель 2-го класса Василій Климовскій, сибирякъ, изъ духовнаго званія. По окончаніи курса Тобольской семинаріи въ 1820 г. 19 іюля, опредѣленъ учителемъ 2 класса Енисейскаго училища, принадлежалъ къ 1-му разряду воспитанниковъ Тобольской семинаріи. Предписаніемъ семинарскаго правленія, отъ 3 августа 1822 г. № 151, согласно прошенію, уволенъ отъ училищной службы, для «поступленія» въ свѣтское званіе. Впослѣдствіи былъ смотрителемъ Красноярскаго уѣзднаго училища и наконецъ совѣтникомъ губернскаго суда. Умеръ въ Красноярскѣ.

3.

Учитель 1-го класса Иванъ Розановъ, сибирякъ, изъ духовнаго званія, окончилъ курсъ Тобольской семинаріи по 1-му

*) Въ это время настоятелемъ монастыря былъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Фларетъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.

разряду. Опредѣленъ учителемъ Енисейскаго училища 19 іюля 1820 г.; а съ 1-го сентября 1822 года проходилъ должность учителя 2-го класса. Впослѣдствіи былъ священникомъ Красноярскаго Воскресенскаго собора, протоіереемъ Канскаго и Ачинскаго соборовъ и первоприсутствующимъ въ духовныхъ правленіяхъ. Умеръ въ Красноярскѣ.

Учитель, священникъ Михаилъ Бьлозеровъ, сибирякъ, окончилъ курсъ Тобольской семинаріи по 1-му разряду. Назначенъ на учительскую должность въ 1-й классъ 29 іюля 1822 г.; 28 іюля 1824 года поступилъ учителемъ во 2-й классъ. Рукоположенъ во священника къ Енисейской Успенской церкви 2 августа 1826 года. По открытіи уѣзднаго духовнаго училища, опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія, а затѣмъ смотрителемъ училища. Въ 1859 году возведенъ въ санъ протоіерея Енисейскаго Богоявленскаго собора. Умеръ въ г. Енисейскѣ, въ сентябрѣ 1870 года.

Учитель Николай Алексѣевъ, сынъ протоіерея Красноярскаго Воскресенскаго собора, Алексѣя Алексѣева. Окончилъ курсъ Тобольской семинаріи по 2-му разряду. Опредѣленъ учителемъ 28 іюля 1824 года. Согласно прошенію, уволенъ отъ учительской должности 30 іюня 1825 г. Былъ городничимъ въ Енисейскѣ, судьей при окружномъ судѣ въ Ачинскѣ.

Учитель, протоіерей Гавріиль Ушаковъ, Тобольской губерніи, Нарымскаго уѣзда, Тогурскаго села, Воскресенской церкви діакона Ивана Ушакова сынъ. Окончилъ курсъ Тобольской семинаріи по 1-му разряду. Былъ преподавателемъ Тобольскаго приходскаго училища съ 1818 по 1823 г., въ этомъ году рукоположенъ во священника къ Енисейской Успенской церкви; въ 1824 г. опредѣленъ благочиннымъ уѣздныхъ церквей и награжденъ набадреникомъ; въ мартѣ мѣсяцѣ опредѣленъ присутствующимъ Енисейскаго духовнаго правленія; въ іюнь этого же года произведенъ въ протоіерея Енисейска-

го Богоявленскаго собора. Назначенъ на должность учителя Енисейскаго училища 1 сентября 1825 года, по личному распоряженію и указанію епископа Иркутскаго Михаила, который въ своей резолюціи аттестовалъ Ушакова «человѣкомъ достойнымъ». Ушаковъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея 32 лѣтъ. Умеръ въ 1859 году.

7.

Учитель, священникъ Платонъ Тоболкинъ, Красноярскаго уѣзда, Балахтинскаго села, Введенской церкви священника Петра Тоболкина сынъ. Окончилъ курсъ Тобольской семинаріи по 2-му разряду; опредѣленъ учителемъ Енисейскаго училища 20 августа 1826 г.; рукоположенъ во священника къ Енисейской Воскресенской церкви 11 іюня 1827 г.; служилъ священникомъ при Троицкой церкви (въ Коноваловскомъ заводѣ), въ Изунжуйскомъ приходѣ и при Ачинскомъ соборѣ, гдѣ и скончался.

В. Воспитанники.

1820 г.

1-го класса.

1. Александръ Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, Чадобскаго села, сынъ священника Петра Попова. Былъ діакономъ въ селѣ Кашиношиверскомъ (†).
2. Александръ Чикиневъ, Енисейскаго вѣдомства, Яланскаго села, умершаго дьячка Василя Чикишева сынъ. Окончилъ курсъ Иркутской семинаріи въ 1832 г. и еще во время обученія получилъ фамилію Срѣтенскій. Былъ учителемъ и инспекторомъ Енисейскаго духовнаго уѣзднаго училища, священникомъ и протоіереемъ въ г. Ачинскѣ. Состоить за штатомъ съ 1881 г. Здравствуетъ.
3. Алексѣй Коноваловъ, Красноярскаго вѣдомства, Есаульскаго села, сынъ дьячка Филиппа Коновалова. Былъ пономаремъ въ селѣ Есаульскомъ, гдѣ и скончался въ 60-хъ годахъ.

4. Алексѣй Кариовъ, Енисейскаго вѣдомства, села Чунскаго, сынъ священника Ермилы Кариова (†).
5. Алексѣй Трусовъ, Красноярскаго вѣд., села Атамановскаго, сынъ священника Іоанна Трусова. Окончилъ курсъ въ Иркутской дух. семинаріи и былъ учителемъ духовнаго училища въ Иркутскѣ же, гдѣ и скончался.
6. Аениогенъ Самойловъ, г. Енисейска, Христорождественской церкви, сынъ священника Алексѣя Самойлова †.
7. Георгій Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, села Устьинтскаго, сынъ дьячка Лаврентія Попова. Былъ діакономъ въ Красн. Воскресенскомъ соборѣ. Умеръ въ 50-хъ г.
8. Кириполитъ Коноваловъ, сынъ дьячка Енисейской Христорождественской церкви Василя Коновалова. †.
9. Константинъ Трусовъ, сынъ свящ., Енисейскаго вѣдомства, села Тасѣевского, Александра Трусова. Долго служилъ при Енисейскомъ духовномъ правленіи. Умеръ въ 60-хъ годахъ
10. Михаилъ Обрядинъ, сынъ дьячка, села Подъемскаго, Красноярскаго вѣдомства, Егора Обрядина.
11. Николай Поповъ, сынъ свящ., села Дубческаго, Енисейскаго вѣдомства, Василя Попова. Былъ дьякономъ въ селѣ Дубческомъ, гдѣ и умеръ.
12. Петръ Поповъ, сынъ дьячка, села Устьинтскаго, Енисейскаго вѣдомства, Лаврентія Попова. Окончилъ курсъ въ Иркутской семинаріи. Былъ священникомъ и протоіереемъ въ Красноярскѣ. Въ 1859 году рукоположенъ во епископа—викарія Камчатскаго и нареченъ Павломъ. Въ 1871 году переведенъ на енисейскую кафедру. Скончался въ 1873 году въ Благовѣщенскѣ.
13. Сакердонъ Левицкій, сынъ свящ. села Чадобскаго, Енисейскаго вѣдомства, Михаила Левицкаго. Священствовалъ въ Туруханскомъ краѣ, а затѣмъ въ селѣ Чернорѣченскомъ, гдѣ и скончался въ 60-хъ годахъ.
14. Семень Толкачевъ, Енисейскаго вѣд., села Бѣльскаго, сынъ пономаря Семена Толкачева. Умеръ во время уче-

ніа въ Иркутской семинаріи.

15. Стенанъ Поповъ, сынъ дьячка села Рождественскаго, Енисейскаго вѣдомства, Егора Попова. †.

2 класса.

1. Александръ Кайдаловъ, сынъ свящ. села Инбатскаго, Туруханскаго края, Матвѣя Кайдалова.
2. Александръ Протопоповъ, сынъ дьячка Карна Протопопова, села Дубческаго Енисейскаго вѣдомства. Былъ діакономъ при Енисейской Троицкой церкви. Умеръ въ 60-хъ годахъ.
3. Арсеній Коноваловъ, сынъ свящ. Петра Коновалова, села Есаульскаго, Красноярскаго вѣдомства. Служилъ діакономъ въ Красноярскомъ Воскресенскомъ соборѣ. Умеръ въ 40-хъ годахъ.
4. Василій Климовскій, сынъ свящ. села Чалбышева, Енисейскаго округа, Андрея Климовскаго. Служилъ сначала дьячкомъ въ селѣ Чалбышевѣ, а затѣмъ рукоположенъ во діакона. Здравствуеть.
5. Василій Евтихіевъ, сынъ дьячка Ефима Евтихіева, села Сухобузимскаго, Красноярскаго вѣдомства. Служилъ дьячкомъ, умеръ въ 60-хъ годахъ.
6. Иванъ Коноваловъ, сынъ свящ. Іоанна Коновалова, села Рыбинскаго, Канскаго округа.
7. Павелъ Климовскій, сынъ священника Андрея Климовскаго, села Чалбышева, Енисейскаго вѣдомства. Былъ дьячкомъ въ Енисейскомъ соборѣ. Умеръ въ 30-хъ год.
8. Павелъ Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, села Казачинскаго, сынъ дьячка Алексѣя Попова. Окончилъ курсъ въ Иркутской семинаріи въ 1834 году съ фамилією Любомудрова. Былъ священникомъ и протоіереемъ въ г. Енисейскѣ. Умеръ въ 1871 году.
9. Петръ Поповъ, сынъ священника Енисейской Богоявленской церкви Петра Попова.
10. Сергѣй Климовскій, сынъ священника Іоанна Климов-

скаго, села Маковского, Енисейскаго вѣдомства. Служилъ въ Томской духовной консисторіи чиновникомъ. †.

1821 г.

Приняты въ 2-й классъ.

1. Александръ Меркуріевъ, сынъ священника Красноярской Покровской церкви Анастасія Меркуріева. Окончивъ курсъ въ Иркутской д. семинаріи въ 1832 году, поступилъ въ медико-хирургическую академію. Служилъ врачомъ въ Красноярскѣ. Умеръ въ 50-хъ годахъ.
2. Александръ Алексѣевъ, сынъ священника, села Изынжурскаго, Николаевской церкви, Красноярскаго округа, Павла Алексѣева.
3. Гавріиль Тыжновъ, сынъ священника, Красноярскаго округа, села Юксѣевского, Покровской церкви, Тимофея Тыжнова. Доселѣ священствуетъ въ селѣ Юксѣевскомъ.
4. Илья Ковригинъ, сынъ священника, села Усольскаго, Енисейскаго округа, Предтеченской церкви, Семена Ковригина. Вслѣдствіе болѣзни уволенъ изъ Иркутской семинаріи. Умеръ въ Красноярскѣ.
5. Иванъ Арефѣевъ, сынъ дьячка Якова Арефѣева, Енисейскаго округа, села Широкаго, Троицкой церкви. Окончилъ курсъ Иркутской семинаріи и служилъ священникомъ въ Томской и Тобольской епархіяхъ. Умеръ въ 70-хъ годахъ.
6. Иванъ Чубаровъ, сынъ священника Стефана Чубарова, Красноярскаго округа, села Нахвальскаго, Богородицкой церкви.
7. Петръ Евтимоѣвъ, сынъ священника Ильи Евтимоѣва, Красноярскаго округа, села Монашенскаго, Николаевской церкви.
8. Прокодій Коноваловъ, того же округа, села Подсосенскаго, Богоявленской церкви, сынъ діакона Михаила Коновалова.

9. Сергѣй Рачковскій, того же округа, села Ладейскаго, сынъ дьячка Космы Рачковскаго. Умеръ въ 40-хъ годахъ при Красноярской Всесвятекой церкви.
10. Оедоръ Ковригинъ, того же округа, села Барантскаго, Троицкой церкви, сынъ священника Тимофея Ковригина.

1-го класса.

1. Адрианъ Фирсовъ, сынъ дьячка Никифора Фирсова, Енисейскаго округа, села Самойлова, Христоужественской церкви. Былъ дьякономъ въ селѣ Тасѣвскомъ, гдѣ и скончался.
2. Адрианъ Анцыферовъ, сынъ дьячка, Туруханскаго уѣзда, Тазовской Николаевской церкви, Іакинфа Анцыферова.
3. Александръ Пушкаревъ, сынъ священника Иродіона Пушкарева, Красноярскаго уѣзда, села Тесинскаго, Богородицкой церкви.
4. Александръ Шарыновъ, сынъ священника Евдокима Шарынова, Енисейскаго уѣзда, села Устьтунгусскаго, Спасской церкви. Служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ; умеръ въ Красноярскѣ.
5. Алексѣй Ковригинъ, Красноярскаго уѣзда, села Ужурскаго, Петропавловской церкви, сынъ дьячка Оедора Ковригина.
6. Алексѣй Кокшарскій, того же уѣзда, села Боготольскаго, Богоявленской церкви, сынъ дьячка Якова Кокшарскаго.
7. Василій Евтѣевъ, сынъ священника Якова Евтѣева, Красноярскаго округа, села Балахтинскаго, Введенской церкви. Окончилъ курсъ Иркутской семинаріи; былъ священникомъ въ Енисейскѣ и Красноярскѣ; умеръ въ 1840-хъ годахъ.
8. Василій Милицинъ, того же уѣзда, села Красноярчинскаго, Архангельской церкви, сынъ пономоря Оедора Милицина.
9. Егоръ Пушкаревъ, того же уѣзда, села Тесинскаго, Богородицкой церкви, сынъ свѣщ. Иродіона Пушкарева.

10. Григорій Кайдаловъ, Туруханскаго округа, Имбатской Успенской церкви, сынъ священника Матвѣя Кайдалова.
11. Евгенийъ Кайдаловъ, того же уѣзда, Хатангской Введенской церкви, сынъ дьячка Ивана Кайдалова.
12. Елеазаръ Ковригинъ, сынъ священника Семена Ковригина, Енисейскаго уѣзда, села Усольскаго.
13. Иванъ Дягилевъ, Красноярскаго уѣзда, села Боготольскаго, сынъ дьячка Александра Дягилева. Былъ священникомъ въ селѣ Устьянскомъ, гдѣ и скончался въ 40-хъ годахъ.
14. Иванъ Шарыповъ, сынъ дьячка Никиты Шарыпова, Енисейскаго уѣзда, села Устьянскаго. Былъ послушникомъ въ Туруханскомъ монастырѣ Уволенъ изъ духовнаго званія. Умеръ въ 70-хъ годахъ.
15. Кирианъ Укеусниковъ, Туруханскаго уѣзда, Хатангской Богоявленской церкви, сынъ пономаря Кириана Укеусникова.
16. Константинъ Верещагинъ, г. Туруханска, Преображенской церкви, сынъ умершаго священника Иоанна Верещагина.
17. Лаврентій Кайдаловъ, сынъ священника Матвѣя Кайдалова, Туруханскаго уѣзда, Имбатской Успенской церкви.
18. Михаилъ Евтиѣевъ, Красноярскаго уѣзда, села Монашенскаго, Николаевской церкви, сынъ священника Иліи Евтиѣева.
19. Романъ Дягилевъ, Красноярскаго округа, села Курагинскаго, Спасской церкви, сынъ дьячка Семена Дягилева. Былъ діакономъ при Красноярской Благовѣщенской церкви, гдѣ и скончался.
20. Степанъ Закоурцевъ, того же уѣзда, села Ирбейскаго, Николаевской церкви, сынъ дьячка Семена Закоурцева.
21. Филиппъ Ковригинъ, того же уѣзда, села Новосельскаго, Ильинской церкви, сынъ священника Давида Ковригина.

1822 г. 2-го класса.

1. Андрей Евтихievъ, Красноярскаго уѣзда, Канскаго острога, Спасской церкви, сынъ дьячка Алексѣя Евтихiева. †.
2. Герасимъ Тарасовъ, Енисейскаго уѣзда, Новосельскаго села, Архангельской церкви, сынъ дьячка Павла Тарасова. Былъ діакономъ въ г. Канскѣ и священникомъ въ селѣ Новоселы. За штатомъ съ 1880 г. Здравствуеть.
3. Григорій Евтиѣевъ, Красноярскаго уѣзда, Караульскаго острога, Спасской церкви, сынъ дьячка Михаила Евтиѣева. †.
4. Иванъ Копѣйкинъ, того же уѣзда, Мелецкаго острога, Спасской церкви, сынъ дьячка Степана Копѣйкина. Служилъ дьячкомъ при Благовѣщенской церкви въ г. Красноярскѣ, гдѣ и померъ.
5. Михайль Обрядинъ, того же уѣзда, Полюмнаго села, Богородицкой церкви, сынъ дьячка Егора Обрядина.
6. Михайль Евтихiевъ, того же уѣзда, Сухобузимскаго села, Троицкой церкви, сынъ пономаря Епифанiя Евтихiева.
7. Петръ Храпцевъ, того же уѣзда, Барантскаго села, Троицкой церкви, сынъ дьячка Семена Храпцева.
8. Семенъ Копѣйкинъ, родной братъ Ивана Копѣйкина.

1823 г. 2-го класса.

1. Василій Тыжновъ, Красноярскаго уѣзда, села Подобнышнаго, Димитрiевской церкви, сынъ священника Филиппа Тыжнова. Былъ сельскимъ діакономъ, а затѣмъ вышелъ изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ на гражданскую службу. Умеръ въ Красноярскѣ, въ 70-хъ г.
2. Иванъ Плотниковъ, того же уѣзда, Кекурскаго села.

Ильинской церкви, сынъ дьячка Ѳедора Плотникова.

3. Иванъ Тыжновъ, того же уѣзда, села Погорьльскаго, Спасской церкви, сынъ священника Михаила Тыжнова.

Быль діакономъ въ селѣ Подесонки. Умеръ въ 1858 г.

4. Михаилъ Суеловъ, того же уѣзда, села Балахтинскаго, Введенской церкви, сынъ пономаря Ивана Суелова.

5. Семень Тыжновъ, того же уѣзда, села Кекурскаго, Ильинской церкви, сынъ священника Ѳедора Тыжнова.

6. Степанъ Рачковскій, того же уѣзда, села Ладейскаго, сынъ священника Иоанна Рачковскаго.

1-й классъ.

1. Александръ Коноваловъ, Красноярскаго уѣзда, Подесонскаго села, Богоявленской церкви, сынъ дьячка Василия Коновалова.

2. Василій Вахрушевъ, Енисейской Троицкой церкви, сынъ священника Ѳедора Вахрушева.

3. Василій Александровъ, Енисейскаго уѣзда, Тасъевскаго села, Богоявленской церкви, сынъ дьячка Михаила Александрова.

4. Егоръ Прянишниковъ, Красноярскаго уѣзда, Новосельскаго села, Ильинской церкви, сынъ пономаря Ивана Прянишникова.

5. Егоръ Александровъ, Енисейскаго уѣзда, села Бѣльскаго, Благовѣщенской церкви, сынъ дьячка Космы Александрова. Померъ въ Иркутской дух. семинаріи въ 1832 году.

6. Даміанъ Рачковскій, Красноярскаго уѣзда, Ладейскаго села, Ильинской церкви, сынъ дьячка Космы Рачковскаго.

7. Димитрій Заводовскій, Нарымскаго уѣзда, Тымской Троицкой церкви, сынъ священника Ѳедора Заводовскаго.

8. Доримедонтъ Евтихѣвъ, Красноярскаго уѣзда, Устюж-

скаго села, Петропавловской церкви, сынъ дьячка Петра Евтихѣева.

9. Михаилъ Евтихѣевъ, того же уѣзда, Сухобузимскаго села, Троицкой церкви, сынъ умершаго дьячка Епифана Евтихѣева. Уволенъ изъ средняго отдѣленія Иркутской духовной семинаріи. Служилъ священникомъ въ селѣ Шилѣ. Померъ въ 1873 году.
10. Николай Дерябинъ, Енисейскаго уѣзда, Чалбышева села, Знаменской церкви, сынъ умершаго дьячка Петра Дерябина.
11. Никита Александровъ, того же уѣзда, Бѣльскаго села, Благовѣщенской церкви, сынъ дьячка Косьмы Александрова. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, служилъ учителемъ въ Енисейскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ священникомъ въ селѣ Тасѣевскомъ, гдѣ и скончался въ 40-хъ годахъ.
12. Петръ Толкачевъ, того же уѣзда, Бѣльскаго села, Благовѣщенской церкви, сынъ пономаря Семена Толкачева. Былъ священникомъ въ селѣ Христорождественскомъ. Умеръ въ 60-хъ годахъ.
13. Петръ Уксусниковъ, г. Туруханска, Благовѣщенской церкви, сынъ дьячка Ивана Уксусникова. †.
14. Степанъ Вахрушевъ, г. Енисейска, Троицкой церкви, сынъ священника Ѳедора Вахрушева. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, былъ учителемъ Енисейскаго дух. училища, затѣмъ священникомъ въ селѣ Барантскомъ, гдѣ и померъ въ 50-хъ годахъ.

1824 г.

1-й классъ.

1. Алексѣй Андреевъ, Енисейскаго вѣдомства, Богучанскаго села, Петропавловской церкви, сынъ священника Иоанна Андреева. †.
2. Василій Закоурцевъ, Красноярскаго вѣдомства, Рыбин-

- того же села, Петроавловской церкви, сынъ священника Константина Закурцева. †.
3. Иродіонъ Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, Рыбинскаго села, Спасской церкви, сынъ дьячка Алексѣя Попова. Померъ священникомъ въ селѣ Михалевскомъ, Канскаго округа.
4. Иванъ Александровъ, того же вѣдомства, Устьицкаго села, Христорождественской церкви, сынъ священника Максима Александрова. Умеръ причетникомъ въ селѣ Кемскомъ).
5. Николай Поповъ, того же вѣдомства, Кемекаго села, Архангельской церкви, сынъ свящ. Лаврентія Попова.
6. Петръ Тыжновъ, Красноярскаго вѣдомства, Кекурскаго села, Ильинской церкви, сынъ священника Федора Тыжнова. Былъ діакономъ въ Красноярскѣ. Умеръ въ 60-хъ годахъ.
7. Петръ Александровъ, Енисейскаго уѣзда, Устькетскаго села, Спасской церкви, сынъ дьячка Николая Александрова. Служилъ причетникомъ при Енисейской Христорождественской церкви. Умеръ въ 40-хъ годахъ.

1825 г.

2-й классъ

1. Василій Касьяновъ, Енисейскаго вѣдомства, Пировскаго села, Троицкой церкви, сынъ священника Дмитрія Касьянова. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, служилъ инспекторомъ Енисейскаго духовнаго училища, затѣмъ священствовалъ при церкви дѣвичьяго монастыря; служилъ въ санѣ протоіерея при Красноярскомъ Воскресенскомъ соборѣ и состоялъ первоприсутствующимъ въ духовномъ правленіи. Съ открытіемъ самостоятельной Енисейской епархіи назначенъ кафедральнымъ протоіереемъ и членомъ Енисейской духовной консисторіи. Здраветсуесть.

2. Савва Арефьевъ, того же вѣдомства, села и церкви, сынъ бывшаго дьячка Якова Арефьева.

1-й классъ.

1. Василиї Андреевъ, Енисейскаго вѣдомства, Богучанскаго села, Петропавловской церкви, сынъ священника Іоанна Андреева. †.

2. Алексѣй Вахрушевъ, г. Енисейска, Троицкой церкви, сынъ священника, внослѣдствіи протоіерея Ѳеодора Вахрушева. †.

3. Константинъ Зубцовъ, Енисейскаго вѣдомства, Пировскаго села, Троицкой церкви, сынъ пономаря Василия Зубцова. †.

4. Степанъ Протопоповъ, того же вѣдомства, Еланскаго села, Срѣтенской церкви, сынъ священника Стефана Протопопова. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, былъ учителемъ Енисейскаго дух. училища, а потомъ священникомъ при Христорождественской церкви. Умеръ въ 1852 году.

5. Егоръ Пудовиковъ, Красноярскаго вѣдомства, Сухобузимскаго села, Троицкой церкви, сынъ діакона Николая Пудовикова. По окончаніи курса въ Иркутской дух. семинаріи, былъ священникомъ и благочиннымъ въ г. Минусинскѣ. †.

1826 г.

2-й классъ.

1. Алексѣй Фирсовъ, Енисейскаго вѣдомства, Устьянскаго села, Георгіевской церкви, сынъ дьячка Никифора Фирсова. По окончаніи курса въ Иркутской дух. семинаріи, былъ учителемъ въ Енисейскомъ дух. училищѣ, потомъ священникомъ Енисейской Троицкой церкви. Умеръ въ 40-хъ годахъ.

2. Илья Касьяновъ, того же вѣдомства, Пировскаго села, Троицкой церкви, сынъ священника Дмитрія Касьяно-

ва. Былъ священникомъ въ селѣ Верхнеподгороднемъ. Съ 1869 года состоитъ за штатомъ. Здравствуетъ.

3. Александръ Тыжновъ, Красноярскаго вѣдомства, Погорьельскаго села, Николаевской церкви, сынъ священника Михаила Тыжнова. Былъ діакономъ въ селѣ Устюжскомъ, гдѣ и померъ въ 60-хъ годахъ.

1-й классъ.

1. Владиміръ Верещагинъ, Туруханской Благовѣщенской церкви, сынъ умершаго священника Іоанна Верещагина. Былъ священникомъ въ г. Туруханскѣ.

2. Александръ Самойловъ, Енисейской Христорождественской церкви, сынъ священника Алексѣя Самойлова.

3. Яковъ Фирсовъ, Енисейскаго вѣдомства, Устьянскаго села, Георгіевской церкви, сынъ дьячка Никифора Фирсова. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, былъ священникомъ въ селѣ Рыбинскомъ, Канскаго округа, гдѣ и померъ.

4. Иванъ Пушкаревъ, того же вѣдомства, Назимовскаго села, Богородицкой церкви, сынъ дьякона Матвѣя Пушкарева. Служилъ причетникомъ въ селѣ Назимовскомъ, діакономъ въ селѣ Коркинѣ и свящ. въ с. Дубческомъ. †.

5. Димитрій Толкачевъ, того же вѣдомства, Усольскаго села, Предтеченской церкви, сынъ дьячка Степана Толкачева. По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи, былъ священникомъ въ селѣ Рыбномъ, Канскаго округа. †.

1827 г.

2-й классъ.

1. Лукиллианъ Токаревъ, Канскаго уѣзда, Троицкаго Заозернаго села, Іоанна-Богословской церкви, сынъ Аврамія Токарева.

2. Иванъ Трусовъ, того же уѣзда, Тасѣвскаго села, Богоявленской церкви, сынъ умершаго священника Александра Трусова.

3. Василій Тыжновъ, Красноярскаго уѣзда, Юкстевскаго села, Покровской церкви, сынъ умершаго пономаря Макарія Тыжнова.
4. Леонидъ Максимовскій, Енисейскаго уѣзда, Кашиношиверскаго села, Преображенской церкви, сынъ умершаго священника Николая Максимовскаго.
5. Алексѣй Поповъ, того же уѣзда, Рыбинскаго села, Спасской церкви, сынъ священника Петра Попова. Служилъ дьячкомъ въ Туруханскомъ краѣ. †.

1-й классъ.

1. Александръ Андреевъ, того же уѣзда, Богучанскаго села, Петропавловской церкви, сынъ священника Іоанна Андреева. †.
2. Антипа Хнюнинъ, Красноярскаго уѣзда, Подъемнаго села, Богородицкой церкви, сынъ діакона Василя Хнюнина. Въ 60-хъ годахъ былъ секретаремъ енархіальнаго попечительства въ Москвѣ.

1828 г.

2-й классъ.

1. Иванъ Поповъ, Енисейскаго монастыря, сынъ вдовата діакона Георгія Попова, въ послѣдствіи іеродіакона Гедсона.
2. Владиміръ Александровъ, Енисейскаго вѣдомства, Бѣльскаго села, Благовѣщенской церкви, сынъ дьячка Космы Александрова. Былъ священникомъ въ селѣ Новосельскомъ. Умеръ въ 1864 году.
3. Александръ Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, Кемскаго села, Архангельской церкви, сынъ священника Лаврентія Попова. Былъ діакономъ въ селѣ Казаченскомъ.
4. Василій Поповъ, родной братъ Александру Попову. Былъ діакономъ при Красноярской Всесвятской церкви. †.
5. Андрей Зубцовъ, Енисейскаго вѣдомства, Пировскаго села, Троицкой церкви, сынъ пономаря Василя Зубцова. †.

1-й классъ.

1. Василій Фирсовъ, Канскаго вѣдомства, Устьянскаго села, Георгіевской церкви, сынъ дьячка Никифора Фирсова.
 2. Андрей Коноваловъ, Красноярскаго вѣдомства, Сухобузимскаго села, Троицкой церкви, сынъ священника Петра Коновалова. Былъ діакономъ въ селѣ Мокрушенскомъ. †.
 3. Македонъ Поповъ, Енисейскаго вѣдомства, Мокрушенскаго села, Николаевской церкви, сынъ священника Льва Попова. †.
-